

Комбат Найтов

АМУРСКИЙ ВАЛЬС

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Комбат Найтов

Амурский вальс

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62785576

*Комбат Найтов. Амурский вальс: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-133658-5*

Аннотация

События столетней давности не дают покоя тем, кто придумал новые праздники: «день поляцких оккупантов» и «день России». С момента их объявления грохот залпов той войны все ближе и ближе, а «согласие» так и не наступило. Интернет взрывается такими перлами! И большинство троллей что-нибудь потеряли именно тогда или «имеют мнение и хрен оспоришь»! Ну, а переписывание истории стало просто мемом для ныне здравствующих «западников».

Прочитав известие о том, что готовится к изданию новая «история» Гражданской войны, я невольно посмотрел на стену, где висят, разоруженные еще при Хрущеве, шашка и маузер моего деда, участника той войны на Дальнем Востоке. Он устанавливал и восстанавливал Советскую власть от Благовещенска до Владивостока. Его доброй памяти и посвящаю эту серию книг.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

92

Комбат Найтов

Амурский вальс

© Комбат Найтов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 186

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Сесть за эту книгу меня побудило недавнее сообщение о том, что скоро, очень скоро у нас будет новая история, независимая и объективная, в которой будет восстановлена историческая правда. Новая история Гражданской войны. Мы, правда, это уже проходили, помнится, не так давно, один кудрявый круглоглазый «политик» с высокой трибуны заявил, что Победа в Великой Отечественной войне произошла в результате массового героизма народа, вопреки воле руководства страны. Мавзолей занавесили власовским флагом, и понеслось! Фильм за фильмом, торты на лице генералиссимуса, урки, как главные герои прошедших боев, тупые злобные «орки-энкаведешники», еще более тупые и беспросветные «комиссары» и «партократы», массово вывозя-

щие в тыл свое имущество вагонами и самолетами. И... нулевой эффект. Хуже того, резко отрицательный: рост популярности Верховного Главнокомандующего маршала Сталина, роль «руководящей и направляющей» оказалась весьма значительной, а главное, все прекрасно понимают, что «вопреки» можно только предать: память, Родину, народ. А чтобы победить – требуется концентрация ума, общая направленность на Победу и готовность экономики к невероятному напряжению. То, что отсутствует у современных «хозяев страны». Им бы украсть побольше, да успеть на последний самолет.

Решили рыть глубже! Подорвать, так сказать, основу того строя, который обеспечил 9 мая 1945 года. Нас всех, с одной стороны, усиленно подталкивают к новому противостоянию 1917–1922 годов, это требуется «нашим партнерам», так как уже списанная в «бензоколонки» великая держава остается «великой военной державой», а запас разработок 1964–1991 годов оказалось легко вытащить из загашника. Партнеры чуточку поспешили с переносом границ НАТО и с провокациями на наших границах. Пришлось немного «обидеться» и подумать о том, что дело может кончиться тем, что последний самолет уйдет без основных действующих лиц, и они останутся один на один с теми, кого они ограбили. А их – много! Даже если каждый даст щелбан, то голова просто не выдержит. Вот нас и пытаются, со второй стороны, напугать «бессмысленным русским бунтом», а с третьей, внушить нам, что

частная собственность неприкосновенна, даже если она получена преступным путем. Награбим чуть побольше, и станем меценатами. А Уголовный кодекс говорит нам, что «Вор должен сидеть в тюрьме!», а не в кресле премьера. Или это герой какой-то книги? Не помню, но это мы уже тоже проходили.

Есть у нас в старом семейном альбоме фотография, сделанная в большой комнате большого дома на берегу Зеи, неподалеку от Благовещенска. Десять человек, пять мужчин и пять женщин. Трое из них в казачьей форме с широкими лампасами, самый старший сидит, демонстрируя Георгиевские кресты и положив обе руки на шашку. Справа и слева стоят двое молодых, они еще в гимназических мундирчиках, а старшие стоят, картинно положив левые руки на оголовки своих шашек. У одного Анна и Станислав, он – помладше, чуть больше 20 лет, у старшего – четвертый Георгий, за десять лет выслуги, и Станислав 2-й степени, ему около 27–30 лет. И у обоих аксельбанты на плечах. Лето 1914 года, перед началом мобилизации двое старших приехали за пополнением Лейб-гвардии Собственного Е.И.В. конвоя, формировали 5-ю сводную сотню. Отобрали всего 30 человек из двух полков Амурского войска и уехали. Звали их Василий и Дмитрий. Младшие Илья, 12 лет, и Иван, 10 лет. Больше семья вместе никогда не снималась. Судьба старших братьев осталась неизвестной, хотя конвой Николая II непосредственно-

го участия в боевых действиях Первой мировой не принимал. К февралю 1917 года были живы оба, что произошло с ними дальше – никому выяснить не удалось. Но этого дома больше нет в Петровском. Прадед, прабабка и все сестры убиты «семеновцами», точнее, «калмыковцами», дом сожжен. Дело оказалось в том, что в Антанту, кроме Англии, Франции, России и Италии, входили и другие страны. В том числе Япония в Первую мировую воевала на стороне Антанты. И когда 12 января 1918 года во Владивостоке высадились японцы, Николай Васильевич, отец семейства, сразу сказал, что «эти просто так отсюда не уйдут». Началом интервенции послужило «убийство двух японцев» во Владивостоке. 5 апреля 1918 года японская армия высадилась в городе, вслед за ней высадилась англичане. На тот момент по всей территории от Иркутска до Тихого океана была установлена Советская власть. Сделал это небезызвестный поручик, левый эсер, затем коммунист Сергей Лазо, который начал в Красноярске, потом перемещался по железной дороге, пока не дошел до Тихого океана.

Тогда, в 18-м году, пересеклись пути гимназиста Ильи и товарища Булыги, создателя комсомольской организации в Забайкалье. Настоящая фамилия этого человека была Александр Александрович Фадеев. Вначале Илья, а затем и Иван вступили в Коммунистический Союз Молодежи, а так как были из казаков, а это сословие имело на руках оружие и

с раннего детства обучало своих детей умению владеть им, то их приняли сначала в Народную дружину Благовещенска, с помощью которой при поддержке отряда товарища Лазо 25 февраля 1918 года в Амурской волости и в городе Благовещенске бескровно была установлена Советская власть. А затем, уже после того, как начался «чехословацкий мятеж», они оба оказались в организованном Советом народных депутатов партизанском отряде, действовавшем в Амурской области.

К этому моменту Амурское казачье войско, развернутое по военному времени в 2 конных полка (12 сотен), 1 гвардейский взвод, 5 особых и 1 запасная сотен, 1 батарею (всего 3,6 тыс. человек), насчитывало почти конную дивизию, если бы не одно «но». Во-первых, не хватало лошадей. Большинство дворов имело одну лошадь в хозяйстве. В ходе войны тыловое войско лишилось всех «излишков». Пахотной земли на душу населения было две трети десятины. Атаманом Амурского войска числился кадет Гамов, депутат IV Государственной думы. Местный учитель, закончивший четырехлетнее городское ремесленное училище и педагогические курсы. Активный участник Февральской революции, которого Временное правительство поставило «командовать» войском. Командовал, правда, не слишком долго, 6 марта 1918 года был вынужден бежать на правый берег Амура в Сахалин.

Николай Васильевич, оборонявший Порт-Артур, не толь-

ко благословил обоих сыновей, но и полностью снабдил их снаряжением, амуницией, лошадьми и оружием.

– С чжурчжэнями, даурами, гиляками да айнами мы всегда договоримся, а вот япошки – народец подлый. Мира с ними не будет. Цинам они красивую жизнь уже устроили, теперь за нас принялись. Гнать их надо с нашей землицы, – сказал он на Пятом войсковом круге, собравшемся выбрать нового атамана. Но договориться тогда казакам не удалось: из-за Амура воду мутит инородец Гамов, к нему начал присоединяться целый хор тех, кто поставил на 72 тысячи штыков оккупационного корпуса японцев, чтобы вернуть свои рудники, мануфактуры и рыбные промыслы. В Монголии и во Внутренней Монголии набирал силы атаман Семенов.

Илья, вместе с отрядом Лазо, успел понюхать пороху на новом фронте: Даурском. Бурят-монгольский полк Семенова был оттеснен, ушел в Маньчжурию. Пока у него всего 900 сабель и нет артиллерии. Но ходят слухи, что у него уже побывали японцы, и он договорился с ними об организации ОМО – особого маньчжурского отряда для свержения Советской власти.

Но беда пришла не оттуда! Накликали ее бывшее Временное правительство и их пламенные союзники: французы. Их потери в боях с немцами были огромны, и «их уже не хватало в колоннах по восемь, героям наскучил солдатский жаргон». Поэтому в лагерях для военнопленных австрийцев развернулась агитационная работа среди бывших жителей Авст-

ро-Венгрии: «Желающие сменить холодную Россию на теплую Францию два шага вперед – марш!» Тут же, как чертик из бутылочки, появляется «первый президент» Чехословакии Томаш Масарик. Пошли поставки вооружения для нового корпуса, да вот беда, линия фронта сплошная, турки перекрыли проливы. И господин Керенский предложил вывезти корпус через Владивосток. Да не успел! Его временное состояние закончилось. Объявлен Брестский мир, Центральная рада подписала его даже раньше, чем РСФСР, в десны расцеловавшись с германским императором. А немцам было невыгодно появление свежего корпуса на Западном фронте. Они обвинили РСФСР в нарушении Брестского мира и потребовали остановить переброску корпуса. Кстати! А кто им об этом сказал? Ну, видимо, нашлись добрые люди, решившие немножко насолить революционной России. Пришлось Чичерину требовать остановить переброску корпуса и его разоружения. Вот только некому было выполнить эту команду. Армия России развалилась несколько ранее, и все разошлись по домам! «Шабаш! Навоевались!» – сказали тыловики и забрались на печку под бок к женкам. 25 и 27 мая 1918 года, отразив попытки разоружить эшелоны, корпус перешел в наступление. Быстрота, с какой рухнула на огромных территориях советская власть, образование новых правительств (Сибирь, Самара, Владивосток, Екатеринбург), ориентировавшихся на прежних союзников и желавших создать вместе с ними новый фронт против больше-

виков, возбудили надежды, и, с согласия Антанты, основная часть ЧСК вернулась к Волге и Уралу для открытия военных действий против Германии, Австро-Венгрии и большевиков. 29 июня 1918 года во Владивостоке была свергнута Советская власть. Командующий Забайкальским фронтом Сергей Лазо находился в районе Читы, сил у него было... в два эшелона помещались. Связь с центром прервалась, так как кто-то очень удачно расположил чехословацкие части вдоль всей Сибирской железной дороги, и взаимодействовали они просто великолепно. Удар по молодой республике был нанесен молниеносно, в самом неудобном месте. Требовалась чья-то помощь!

И тут командующему Забайкальским фронтом просто неслыханно повезло! 11 мая в Харбин из Америки прибыл знаменитый киногерой и любовник последних лет вице-адмирал Колчак! Правда, с Семеновым ему договориться не удалось, и тот будущего «Верховного правителя России» через Маньчжурию не пропустил. Тому пришлось ехать на поклон к японцам, затем, как «частному лицу», проехаться по Амурской железной дороге, где он убедился в том, что японцы держат все города по дороге. К тому времени в Уфе возникла Директория, под управлением Н. Д. Авксентьева, В. А. Виноградова, В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского и В. М. Зензинова. Правда, наступающая Красная Армия уже через две недели вынудила «правителей» и «министров» быстренько паковать чемоданы, а по дороге у них ле-

жал Омск, к которому неторопливо подъезжало «гражданское лицо». В это время отряды Лазо активно противостояли вылазкам атамана Семенова в южной Даурии. 4 октября 1918 года Директория резко поменяла свой состав, и новый Верховный правитель России уже полный адмирал Колчак принял решение идти на Архангельск за оружием. Роль тарана досталась, само собой разумеется, чехословацкому добровольческому корпусу. Главная ударная сила контрреволюции сама поехала на запад, навстречу своему счастью!

Понеся в боях довольно значительные потери, корпус был отведен с фронта и занял линию железной дороги между Новосибирском (Ново-Николаевском) и Иркутском, предоставив возможность красным партизанам успешно формировать и готовить свои отряды. Сергей Лазо, выполняя решение СибРевКома о переходе на нелегальное положение, ушел в тайгу в районе станции Зилово, и его отряды росли как на дрожжах.

Илья и Иван были откомандированы им в район Благовещенска, так как японцы там нанесли сильный удар, в результате которого погибло более трехсот человек из Ивановского партизанского отряда. Требовалось вновь настроить людей на борьбу, и активнее противостоять вылазкам Гамова и его карателей.

В «отряде» было всего двадцать человек, двенадцать конных, шесть саней, двое из которых были вооружены стан-

ковыми пулеметами. Одни сани использовались только для перевозки продовольствия и боеприпасов. Так как «нелегально» пройти марш в тысячу с лишним километров невозможно, то для участия в нем отобрали только казаков-амурцев и снабдили их документами, «заверенными» на станции КВЖД Борзя. Была в августе такая возможность, когда сама станция находилась в руках Красной Армии. Несколько сложнее было доставить боеприпасы, в основном потому, что везде ощущался дефицит патронов, а особенно гранат и тола. Переход на партизанские действия требовал активизировать нападения на поезда. Экипированы все были достаточно хорошо. Семеновцы «предоставили» и знаки различия, и свои бланки документов. Требовалось «отойти» от тех мест, где базировались партизаны, и где-то в районе Таптугоры погрузиться на поезд до Благовещенска. Через Зилово поезда ходили, но если сесть там, то уже в Кислом Ключе можно ожидать высадки и расстрела. Никакие бумажки не помогут. В Кислом Ключе стоял японский гарнизон и действовала контрразведка Колчака. Дабы не плутать, двинулись к истоку реки Кара, с целью выйти к поселку Солдатка, где можно успешно обменять ртуть и муку на золото. Рудник заброшен, весь инженерный состав выехал в Харбин, но рабочие остались и есть «наводка» на человека, который продолжает «стараться» и в беде не оставит.

Морозы и ветра сделали путешествие просто невыносимым. Лишь когда миновали второй перевал и вышли к Пиль-

ной, удалось немного отогреться на бывшей лесопилке. Вечером, правда, чуть до стрельбы не дошло: дымом заинтересовались «жилыцы» Верхней Кары и решили малость поушкуйничать. Места здесь глухие! Закон-тайга, медведь-хозяйин. Но молодцы поняли, что имеют дело с отрядом казаков, неплохо вооруженным, поэтому вовремя остановились.

– Пошто сюда-то потащились?

– Сказывают – красные на дороге. В Поповке добры люди казали, шо бес портков останемся али загребут себе. Не любят оне тех, кто с Семеновым якшался. А мы – народ служивый, нам казали, мы – пошли, но идти зимовать в улус – не пойдем. Домой пойдем, навоевались.

– И куда?

– Амурские мы, круг решил распустить войско. Как круг решил – тому и быть.

– Мука есть?

– Алтын бар?

– Ну, нема, так, мелочь. Песком возьмешь?

В общем, слово за слово, обменяли мелочишку, без хлеба на зимовке туго, Кара – она золото только зимой отдает. Летом приходится плотины делать, и мыть, мыть и мыть. А хлеб только в 150 километрах отсюда, не наездишься.

Дальше отряд свернул в сторону и вышел на лед Шилки гораздо ниже по течению от места, где стоял бывший рудник. Береженого бог бережет, решил Илья, хотя не он договаривался с ушкуйниками и старателями. Он того, что командир

здесь, виду не показал. Он, хоть и казак, да гимназист бывший. Отец и сам офицером был, и сыновей для службы в офицерском составе учил. Говорил Ерофей, самый пожилой из состава команды. Лучший пулеметчик отряда. Вот и сейчас он развалился на крайних санях, держит под тулупчиком две фляжки от мороза. Всем хорош «максим», да вот зимой вода в кожухе замерзает. Само путешествие по замерзшей реке – занятие не самое безопасное: на льду ты как на ладони, да деваться некуда! Предстояло пройти 140 километров, чтобы обойти заставы белых. Да еще у Кудечи, слева, большой рудник, тоже золотonosный. Он законсервирован, но там могут квартировать войска. Так что обходить его придется по старому руслу Шилки. А это крюк, километров двадцать.

На обходе обнаружили заслон. Холодно! Вот они костерком и воспользовались. Шестеро пошли обходить его и взяли в ножи юнкеров, которых Колчак загнал партизан сторожить. Дальше – проще, на железке творилось черте что, кассы принимают только «сибирки», но пара «катенек» решили все проблемы с погрузкой и теплушкой для личного состава. Ну, горло сорвать пришлось, да пальнуть в небо из старого «кольта», чтобы гражданские сообразили, что платформу, два вагона для лошадей и вагон для личного состава подают не для них. Мешочники! Что с них возьмешь! Поселились на крышах всех вагонов, а конские пришлось проволокой заматывать и на каждой станции охранять. Вымотались – просто

слов нет! Раз шесть пришлось снимать и нацеплять погоны, на всех больших перегонах разные «государства». Одни за «Учредительное собрание», другие – за правых эсеров, третьи за кадетов, а сложнее всего с «монархистами»-семеновцами. По документам – ехали от них, то есть – дезертировали. Путем долгих переговоров, ссылаясь на то, что жить в монгольских ярангах для казака губительно, и весной вернёмся, удалось без стрельбы уговорить пропустить команду. Поймали человек пятнадцать конокрадов, одного пришлось расстрелять: ранил часового ножом. Самыми опасными бандами на дороге оказались беспризорники. У этих голова на чисто отсутствовала, чувствовалось по всему, что их ничто остановить не может, так как жрать хочется, а мозгов совсем нет: «Я – маленький, по мне промахнутся». Злющие, голодные, вшивые и жутко грязные. Больше всего Илья беспокоился за Орлика, жеребца, которым снабдил его отец. Росточком Илью бог не обидел, за сто восемьдесят пять и продолжал расти, но уже медленно, поэтому местные «монголы» и чуть более крупные «дауры» ему не подходили по росту. Орлик был крупным высоким ахалтекинцем, с очень длинным крупом, но с короткой прилегающей шерстью. В морозы его приходилось накрывать длинной теплой попоной, застегивающейся на животе и имеющей башлык, чтобы не простудился. А зимой отапливать вагон, в котором он ехал. Добыть уголь и дрова удавалось только под угрозой «Льюиса», американского пулемета, коих сумели взять на железке це-

лых два вагона, еще в июле. Американцы тоже высадились в Приморье и действовали заодно с японцами. По имеющимся договоренностям и те, и другие пользовались экстерриториальностью, вступать с ними в бои запрещалось, как со стороны Колчака и Со, так и со стороны РВС. Но их поезда регулярно пускались под откос, а затем разграблялись. Там было продовольствие и боеприпасы.

Чем ближе приближалась Амурская область, тем чаще на переданных «явках» висел знак провала. Начиная с Колокольного, все явки были провалены. Из Аячи Илья отправил телеграмму безвестной Сашеньке Колокольниковой в Читу, как они уславливались с Сашей Фадеевым (Булыгой), что добрался до Аячи, любит и ждет ее, через двое суток доберется домой и будет ждать её приезда. Телеграммы ходили только вдоль железной дороги, проходя через все станции, их записывали на большие бумажные бобины с помощью дырок на американских машинках, помечая код предыдущей станции как запрет на запись. Так что телеграмма до Зилово дойдет и пойдет дальше. Она означала, что связи нет, явки провалены, продолжаем выполнять задание. Дорога петляла между лесистых сопок, иногда вырываясь из них на степные просторы. Стало меньше мешочников, здесь за товаром ездят в другую сторону, поэтому предпочитают сесть в вагоны, а не на крышу. А в Улагири стало известно, что дальше пути не будет. Группа раскрыта и ее ждут в Алексеевске. Одна из явок сработала, им помогут. Выгрузились в Сиваках, отдав

вагоны и две платформы какой-то воинской команде, ожидавшей эшелон на Хабаровск, и хотели уйти за Амур, в Китай, к реке Кумара, где было несколько заимок, где зимой никого нет. Но как только эшелон ушел, к ним подошел пожилой железнодорожник.

– Господин хорунжий! Вы «петрушу» на «катеньки» не разменяете? – сказал он условную фразу.

– Столько, пожалуй, не наберу, три, остальные – «сашеньками».

– Быстро назад, и там, через пути, дорога к рабочему поселку. Уходите быстрее, там встретят.

– На конь! – тихо подал команду Илья, вскакивая на Орлика.

Кто встретит и когда – было неизвестно, команда, выдвинув дозор, уходила на северо-восток по санному пути, сильно переметенному снегом. Не очень ласково встречал их родной край. В пяти верстах от станции стало заметно, что где-то рядом жильё. Именно там их на санках встретил совсем юный мальчишка, 12–15 лет, в зипуне, с небольшой мохнатой лошадкой, на морде которой висели сосульки.

– Давай за мной! – Он стоял почти на повороте, который вел к Зее, но свернул налево на совсем неприметную, сильно занесенную ветром дорогу.

Затем тайга несколько отступила, разредилась, слева – большое замерзшее болото, справа редкий лесок, задуло еще сильнее. Но это – хорошо, следы переметет. Еще через четы-

ре километра начался густой плотный лес. Мальчишка потянул на себя вожжи.

– Вот эту дорожку видите? Идете по ней, в поводу, до креста. От него вправо полверсты, там заимка и хотон. Днем не топите! За вами придут. Ждите. – Он дождался, когда ему освободят тропу, развернулся и щелкнул свою лошадку по крупу.

Хотон – это помещение для скота, обычно врытое в землю, чтобы не отапливать его. На заимке было много уже нарубленных, сухих на морозе, дров. Но ждать пришлось двое суток, прежде чем отрывистым «ки-ки-ки» зимующего здесь дербника дозор не сообщил, что видит людей на дороге. Такие манки сделал для всех Ерофей и научил ими пользоваться. Если бы раздался «кия-кия-кияк» ястребиной совы, то пришлось бы к бою готовиться. От дороги пришел только тот самый малец, который и привел их сюда. Увидев, что все в порядке, и важно поздоровавшись с Ильей, тоже прокричал по-птичьему, давая кому-то знак. Подошло трое: два казака и мужик. Самый напряженный момент, который неожиданно заканчивается криком с чердака, куда уже переместился второй пулеметчик Матвей:

– Фролка! Ты, что ль? Годи минутку!

Земляки встретились! Похлопали друг друга по бокам, оказались из отряда Деда или Бороды, Строгов его фамилия. С ними и двинулись дальше. От них и узнали, что все хутора на правом берегу Зеи от моста до Алексеевска сожжены.

– Когда Маркова пожгли, то все хутора япошек и гамовских огнем встречали. Николу Василича смогли только пушками взять. Так шо нет боле ни Покровки, ни Петровки, ни Сергиевки.

– А Маркова-то за что? Он же не при делах был. За царя-батюшку стоял.

– Отказался бусурман в дом пускать. Вот так. Мы теперя в свом доме не хозяева! Вот по лесам и нычемся.

– А в Талалях что?

– Дык туда и идем! Зараз в Георгиевку, к нам. Передохнем, и к Басову тронемся. Дядька же он тебе будет. Чай, родня. Японца выгоним, отстроим Петровскую.

Тут Иван, который ехал, стремя в стремя, обмяк, Илья подхватил его, чтобы не упал. Его перенесли в одни из саней, потеряли снегом лицо, сунули ему снег под гимнастерку. Он немного очухался, но сил держаться у него уже не осталось. Он заскулил жалобно: «Мамо-чка!» Он был ее любимцем, она ему все прощала. И он платил ей той же монетой. Илья смахнул слезу с глаза и дал шенкеля Орлику. Тот красиво изогнул шею и попытался с ходу перейти в галоп, но ему прижали голову вниз поводом и перевели на шаг. Он подъехал к Михалеву, с которым разговаривал до этого.

– Да ты всплакни, Илюшка, полегчает.

– Не могу, я – командир команды. Правов, прав на это не имею, – поправился он, стараясь следить за своей речью.

– Оно и верно, командиру пускать слезу и нюни... него-

же. – Он выразился более крепко, но на местном «наречии», состоявшем из бурятских и монгольских слов. Здесь все говорили на такой тарабарщине, которую москвичу или петербуржцу просто не понять, он этих выражений просто не знает. В голове у Ильи постоянно мелькала мысль, которую он хотел отогнать подальше. Вроде не время спрашивать, но тем не менее не удержался.

– А что с конями, с заводом? Ну и со скотиной. Грязнушка цела?

Михалев собирался с мыслями, не зная, как сформулировать ответ. В Грязнушке были стойла самого большого в войске конезавода.

– Большая часть не в стойлах была, в табунах, конюхи проволоку порубили, часть увели, часть сама в степь ушла, частью гамовские захватили. Тех, что в степь ушли, частью отловили, Макар своих две недели гонял. Да и Дед тоже... – невесело начал перечислять Михалев.

– Степан, а Барс, Гепард, Тигрик, матки, главное, матки текинцев? Олдуз, Дива, Дунгиза, Чолпон? Где они?

– Да почему я знаю? Их-то, маток, никогда и не показывали, только на бегах. Есть какие-то кобылы. Че ты взбеленился? Клейма есть, всех найдешь. Но поискать придется. Откель у вас столько?

– Так, пра-пра-пра-пра-пра-прадед наш, Байбак, ушел с Ермаком «воевать Сибирь». Мы на эту землю еще при Алексее Михайловиче, Тишайшем, пришли. С под Красноярска.

И уходили с Дона не голутвой, а кошевым при атамане. Дед мой текинцев из Асхабада¹ в Сретинск пригнал. Три года гнал! Тогда еще железки не было.

– Да не серчай! А что ж ты в красные-то пошел, коль ба-рин, грамотный да богатый?

– Да я разве про себя! Коняшек жалко! По рукам пойдут, в Китай угонят.

– Эт верно! Хунхузов развелось – спасу нет.

– Разгоним! Это их беда наша привлекает. Победим и разгоним.

– А кто победит-то?

– Да, красные-красные, можешь не сомневаться. Белые, вон, по городам да станциям сидят, носу на село аль в станицу высунуть не могут, только если с япошками придут, чтоб не поколотили.

– Так у вас же одних только десятин здесь где-то тыщ тридцать.

– Есть такое дело, коней кормить надо. А пахотной-то поменьше, где-то четверть-треть. Дед говорил, что под Зилово у нас земли побольше было. Там на круг отдали, здесь взяли, и земля эта не казацкой считается, а первопоселенской. Да еще Духовский отцу прирезал малость.

– А че на тот берег не пошли? Там пожирнее будет!

– Когда дед сюда прибыл, то на том берегу чжурчжэни скот пасли, и много фанз было, да и заливают ее чаще. При-

¹ Старое название Ашхабада.

чем к самому урожаю! Да и город рядом, штаб полка здесь, на этом берегу.

– Эт точно! Ходят слухи, что переселенцы грозятся распахать земли первопоселенцев.

– Да пусть распахивают, я здесь не останусь.

– Да ты чё это? И куда?

– Учиться хочу дальше. В университет пойду. Если Василий вернется, то он мне голову отвернет, что я жив, а они погибли. Он, когда последний раз приезжал, наказ с меня взял стариков беречь.

– Ты, брат, дурь-то в голову не бери, толку-то от твоего присутствия туточки ноль с хвостиком, еще бы и тебя с Ванькой хоронить пришлось бы. Чтoб ты, за «максим» не лег бы? Когда Катеньку вашу за ним нашли, порубанную да пораненную. Уходить надо было им в отряд, а они все про завод да скотину. Вместе держаться надо, тогда есть шанс выжить. А так никакого нет.

– Вот я и должен был уговорить.

– Стал бы войсковой старшина мальчика слушать! Ты ж для них как был мальцом, так им и остался. Не кори себя, а бей с протягом, до самого седла. Вот те мое слово!

А тут еще молчавший до того мужичок из переселенцев, вякнул:

– Текинцы они, конечно, красивые, но не крестьянская это лошадь, в плуге не ходит.

– От, ясен пень! – в два голоса сказали Илья и Михалев. –

А защищать тебя от набегов кто будет? Кони эти – верховые, казацкие. По ходам чистокровкам не уступают, но выносливее и неприхотливей. Они в пустынях живут. Здесь им равных вообще нет. Дед их в Туркестанском походе приобрел, когда Хиву покоряли. Им цены нет в здешних степях. А не уберегли.

Эти люди свою жизнь без лошади просто не представляли, говорить о них могли бесконечно, обсуждать стати, масти, достоинства и недостатки. А для крестьянина это была тягловая сила, там ценилось одно качество: чтоб ухаживать не приходилось. Но их возникший было спор был прерван появлением дозорного, мчавшегося во весь опор.

– Японцы с американцами дозор выставили у станции.

Илья достал карту, в четырех километрах отсюда, правее, был мост, под которым существовал проезд для гужевых повозок. Отряд вернулся немного назад и свернул с дороги в лес, затем вышел на болотце. Обошли Сиваки, форсировали железную дорогу и углубились в лес, ведущий к Егорьевской заставе, теперешней Новогеоргиевки. Японцы позднее ее тоже хорошо пожгли. В междуречье Зеи и Амура действовало два довольно больших отряда, периодически беспокоящих белых в Благовещенске.

Здесь стоит вспомнить историю этого города и освоения этих земель. Впервые эти места упомянуты в русской истории в 1653 году, хотя достигли этих мест казаки под коман-

дованием Хабарова на два года раньше. Но следует учитывать еще один «нюанс»: финансировал эту экспедицию воевода якутский Дмитрий Францбеков по собственной инициативе. Было это во времена царствования уже упоминавшегося Алексея Михайловича Романова, Тишайшего. Инициатива на Руси всегда была наказуема, поэтому в 1652 году воевода впал в немилость у государя – из-за многочисленных злоупотреблений и насилий над русскими купцами и местными обьясаченными народами, и был лишён имущества и всех должностей. Причина проста: русские потерпели поражение от китайской империи Цин. Лишились нескольких построенных укреплений и вынуждены были отойти к Невельску. Учитывая огромные расстояния и только начавшуюся реформу армии, царь поддержать дальнейшее продвижение на восток просто не мог. А «рынок» требовал мехов. В русские меха одевалась вся Европа. Тем не менее в истории деяния этого царя признаются как «покорителя Сибири». При нем были основаны следующие города: Симбирск (1648 год), Нерчинск (1658 год), Иркутск (1661 год), Пенза (1663 год), Кунгур (1663 год), Селенгинск (1666 год). Это не считая всяких «острогов» и застав. Петра его ближайшее окружение долго попрекало тем, что Алексей, его отец, больших войн не вел, а страну в три-четыре раза увеличил. Хотя движение на Восток начал его родственник: Иван IV, Грозный. После Алексея всего шесть лет правил его малолетний сын Федор, при нем Турция признала Киев и Дикую степь (Донбасс) –

русской территорией. Он же отменил местничество, первым начал брить бороду. Затем фактически правила Софья.

Это – официальная часть истории. Фактически это несколько отличалось от того, что происходило на самом деле.

В один год было заложено два «острога»: Тобольск и Чита. Это – 1587 год. Правил тогда сын Ивана Грозного Федор Иванович, точнее его жена Ирина, урожденная Годунова, да так, что бояре в том же году решили расстричь ее в монахини, постоянно ссылаясь на то, что за делами государственными она не может понести наследника. То есть казачество действовало несколько само по себе. Силенок у них было не слишком много, поэтому Тобольск создала группа из 60 сабель, а Читу, точнее, Читинский острог заложил отряд в 30 сабель при одной пушке. Тем не менее именно эти засеки послужили плацдармом для продвижения на восток. Выделилось отдельное Сибирское Казачье войско. На Севере, через тридцать лет, появился Тунгусский острог, или Енисейск, откуда совершали постоянные, прямо скажем, набеги на местное население: эвенков и якутов. Цель? Ясак – подати. Строительство «острогов», это были не тюрьмы в современном понимании, а крепостицы, стены вокруг которых заострялись, чтобы никто перелезть свободно не мог, «остригались», отсюда и словечко образовалось. То есть небольшие форты, в европейском понимании этого понятия. В 1641 году в непосредственной близости от Байкала возник острог

Верхне-Ленский. Из Енисейска отправился в поход Семен Дежнев, который прибыл в Якутский острог, заложенный Бекетовым в 1632 году, где уже образовалось Якутское казачье войско. Оттуда он достиг Чукотки и открыл пролив между Азией и Америкой. Вернулся в Москву в середине 1664 года. В Москве он продал всё добытое на Севере: 289 пудов (то есть примерно 4,6 тонны) моржовых клыков на сумму 17 340 рублей и получил свой процент, 500 рублей соболями, что сразу сделало его богатым человеком. Получил содержание за 19 истёкших лет, что и было исполнено (126 рублей). Ему было пожаловано звание атамана. Это все происходило на севере Сибири. На юге дела шли несколько хуже. Успешное продвижение, как на севере, остановили монголы, дауры и чжурчжэни, которые уже платили ясак династии Цинь. Которая, узнав, что часть местного населения переметнулась к русскому царю, а соответственно сократились поступления в казну, решила оспорить принадлежность этих земель России. Заложенные Хабаровым остроги подверглись нападению чжурчжэней или маньчжуров, которые сами на этой территории не проживали. Их империя покорила Южный Китай и была самым большим государством мира, если считать по численности населения. Так как целенаправленного заселения этих мест, со стороны России, не проводилось, то численный перевес был на стороне империи Цин. К тому же они уже познакомились с голландцами и испанцами, поэтому имели на вооружении довольно сильную ар-

тиллерию. А русские остроги в лучшем случае имели легкие орудия, типа горных пушек, или везли с собой, по монгольскому обычаю, бронзовый лом, из которого на месте отливали крепостные орудия. Дорог здесь, по умолчанию, никогда не было. Все передвигались либо пешком, волоча имущество на слегах, либо конным порядком. Казаков всегда сопровождали мастера: кузнецы, рудознаты, плотники и корабелы. Следом подтягивались беглые крестьяне, срок поиска которых был установлен в пять лет. Если пять лет в бегах провел – становился свободным. Тогда, в семнадцатом веке, наше продвижение к Тихому океану было остановлено под Нерчинском. Узнав о столкновениях под Албазином, в столице начало формироваться «Великое посольство». В его состав вошли три посла: 35-летний стольник Фёдор Головин (ранее служил на астраханском воеводстве), новый нерчинский воевода Иван Власов (грек, приехавший на службу из Константинополя) и дьяк Семён Корницкий. Их сопровождала дворянская свита с переводчиком латинского языка Андреем Белобоцким. Охранный полк посольства составил 506 московских стрельцов и 1400 казаков. Обоз посольства состоял из 270 подвод с продовольствием, боеприпасами и товарами. Добирались они два года.

Император Канси только-только провел достаточно удачную кампанию по захвату Южного Китая, длившуюся много лет, и считал, что из-за малочисленности русских в Амурской области и Даурии ему удастся быстро решить вопрос о

том, кому принадлежат эти земли.

Но неудача Хабарова не остановила казаков. Посольство китайское было далеко: у Далай-озера. Читинский острог они «навещали», но остановить казаков было некому. У китайцев было всего несколько городишек в этих местах, все на правом берегу Амура: Айгунь, Тондон, Онлинь да Мерген. А проживали здесь «Братские народы», Братский острог на Ангаре появился чуть позже, но тоже в XVII веке. На словах казаки остановились, а по факту Албазин и другие остроги понемногу укреплялись, а Амурская область уже была вполне освоена, Усть-Зейский пост, будущий Благовещенск, уже существовал, несмотря на то, что острог, который заложил Хабаров, чжурчжэни сожгли. Его отстроили заново. К моменту второго штурма Албазина Амурская область была первично освоена, описана, и с местным населением, их тогда называли «тунгусами» была «проведена работа», что они признают только «Белого царя». Казаки достигли Тихого океана, точнее, Охотского моря. Затем открыли остров Сахалин, Малую Курильскую гряду, остров Хоккайдо, «демократическую страшилку» Колыму, заложили там Нижне-Колымск. И на Чукотке возникло первое русское поселение: Анадырь.

Существенным отличием русских от тех же чжурчжэней было то обстоятельство, что они больше никуда не уходили. Возле заложенного острога сразу появлялись избы, раскорчевывались поля, строились кузни, амбары, скотные дворы,

потому что следом за казаками шли «беглые», которым возвращаться было некуда. Эти, в отличие от казаков, заранее были «запрограммированы, что это их земля, их надел, который будет их кормить. Казаки же в любой момент могли быть посланы в любое место. Сумел атаман или старшина «достать» деньги под процент, звучала команда «На конь!», и новая экспедиция отправлялась искать тех, с кого можно было содрать ясак. Естественно, что далеко не все такие походы заканчивались удачно. Тунгусы имели свои родовые связи, и далеко не всегда «добровольно соглашались» отдать хоть что-нибудь из нажитого. Вторым немаловажным обстоятельством было наличие среди казаков священников, игравших роль миссионеров. Кочевым народам Христа не навязывали, а вот оседлые и полuosедлые жители тех мест, вроде тех же айнов, постепенно соглашались посещать построенные храмы и платить десятину, в обмен на рай после смерти. Чжурчжэни только посылали сюда сборщиков налогов, но, если они не возвращались, тогда присылали большой отряд, на один из которых наткнулся Хабаров в своем походе.

В результате к моменту обострения ситуации Амурская область была уже «освоена». Существовали карты-планы, какое-никакое постоянное население, хутора, села и небольшие форты, как в Даурии и на Бургузинском нагорье. Но после второй осады Албазина, поняв, что русские вообще-то никуда не ушли, чжурчжэни, теперь они сами себя называли маньчжурами, двинулись к Нерчинску, как и «Великое по-

сольство». Причем не просто так, а катя за собой большие пушки, сыгравшие основную роль во время первого штурма Албазина. Дело было в том, что барги и дауры раньше платили дань монголам. Да-да, именно монголам, так как чжурчжэни и есть монголы. По происхождению они монголы, а не китайцы-ханьцы. Но осевшие на землю, прекратившие кочевать после захвата Чингисханом будущей Маньчжурии. Чингиз умер, его великая империя распалась на множество государств, а китайцы особо ему и не сопротивлялись, они просто платили ему дань и ждали, когда по великой Желтой реке проплывет труп их врага. От монгольского ига они избавились почти сразу после смерти Чингисхана, двухсот лет не прошло, но оседлые монголы еще раз захватили Китай, уже надолго. Они кое-чему у самих китайцев научились.

Первое русское посольство прибыло в Пекин еще в 1654 году, почти сразу после первых столкновений между Цинской империей и якутскими казаками. Быстрее было не добратся. Возглавлял посольство Федор Байков, но установить дипломатические отношения не удалось. Дело было в том, что тогдашний император Шуньчжи потребовал признать его верховенство над Россией, ибо он – глава Среднего государства, вокруг которого могут быть только варвары или его вассалы. Первые столкновения с казаками выявили серьезную уязвимость оседлых маньчжуров, которых русские в то время называли «дючерами», перед хорошо воору-

женными и привычными к боям казаками. Император решил вопрос кардинально: переселил своих подданных в долину реки Сунгари, то есть на правый берег Амура в район Харбина. А заодно подготовил некоторое количество регулярных войск, чтобы встретить новые набеги.

Посол России отказался выполнить монгольский обряд «коу-тоу»: девятикратное преклонение ниц перед императором, что соответствовало признанию его сюзереном, и через полгода покинул Пекин, не выполнив поручение Алексея Михайловича: создать посольство и договориться о границах. Так как оседлое население откочевало на Сунгари, то брать ясак стало не с кого. Земли пустовали и постепенно осваивались казаками и беглыми крестьянами.

Имея негативный опыт, к визиту должны были подготовиться более серьезно, но этого не произошло. Сын Шуньчжи не изменил своего отношения к «соседям» и поначалу решил, что и договариваться не о чем. Послал «регуляров» с мощными орудиями и разгромил Албазин с его деревянными стенами. Русских, оставшихся в живых после штурма, отпустил, наказав более не возвращаться. Но, как только чжурчжэни ушли, казаки вернулись, обсыпали стены землей, так чтобы их было невозможно пробить артиллерией. Была усилена и артиллерийская батарея самой крепости. Второй раз крепость выстояла, но с тяжелыми потерями из-за разразившейся цинги. Она продержалась до подхода посольства, сообщение о котором было передано маньчжурам именно под

Албазином.

Два посольства встретились в середине августа 1689 года в поле между реками Шилка и Нерча. Канси представляли три человека: князь Сонготу, дядя императора Тун Гуеган и воевода Лантань (руководил осадами Албазина); а также свиты из чиновников и военачальников, и иезуитов-переводчиков латыни – португальца Тормаса Перейры и француза Жана Франсуа Жербильона. Численно китайское посольство превосходило русское в несколько раз, что, несомненно, повлияло на ход переговоров. Плюс в его составе были непосредственные родственники императора Канси. Князь Сонготу еще недавно был воспитателем Канси, и он руководил империей в момент захвата ею Южного и Центрального Китая. Российскую же сторону представляли безвестный 37-летний стольник да дьячок. Плюс те инструкции, которое получило посольство от фаворита царицы Софьи Василия Голицына, главы Посольского приказа, то есть министра иностранных дел России, были достаточно жесткими и однозначными: не допустить войны с Китаем, наладить торговые отношения. При общем совпадении интересов и задачах посольств: установить границы между государствами, и в качестве естественной границы оба государства подразумевали Амур. Единственное «но»: высокие договаривающиеся стороны не знали тогда, где кончается река. Ни русские, ни китайцы. В общем, Головин плохо подготовился к перегово-

рам: нерчинского воеводу он с собой взял, а якутского даже и не предупредил, а Амурскую область осваивало Якутское казачье войско. А главное, он не понял: почему император Канси согласился на переговоры, да еще прислал в качестве послов своих ближайших родственников: по слухам, распространяемым в Маньчжурии, в Россию ушло посольство Ойратского ханства, союза которого с Россией очень опасался император Китая. Уловив момент, что русский посол – «лопух» и ничего не знает ни о чем, его начали «нагибать». И «без меня меня женили». Договор был подписан, через два года отвели войска от границы, и на 162 года граница России была перенесена на 600 километров севернее и проведена по водораздельному хребту между Якутией и Амурской областью. Её, правда, особо сильно никто не соблюдал, маньчжуры сюда не забирались и не селились на левом берегу Амура. Но китайцы об этом помнят, и в развалинах бывшей крепости в городе Цицикар существует музей, куда русских не пускают. Он посвящен «боксерскому восстанию в Китае, которое было подавлено императорскими и русскими войсками в 1900–1901 годах. Это, конечно, не война между нашими странами, но это было восстание против подписания Пекинского договора 1860 года, определившего новую границу между нами и Китаем. Старый предусматривал одну, очень серьезную оговорку: Империя Цин обязалась не заселять левый берег Амура. Так появилась первая «буферная зона» в этих местах. Но история имеет свойство повторять-

ся.

Началось все в 1812 году. До этого стороны Нерчинского договора особых претензий к нему не высказывали. Местность обезлюдела, ясак брать не с кого. Выход к морю Россия получила севернее, там существовало поселение на реке Уда, через которое в летнее время можно было отправиться хоть на Камчатку. Да еще появился Косой острожек, будущий Охотск. С той стороны казаки устраивали ежегодные рейды, чтобы собрать дань с гиляков и с айнов. Некоторые надежды связывались поначалу с приходом к власти Петра Первого, но внимание царя привлек Косой острожек, где было построено первое русское морское судно на Тихом океане: ладья «Восток», которая достигла берегов Камчатки. Много пишут о его влиянии на развитие Охотского порта, но это не совсем правда, больше похоже на неправду: в городе, он тогда и городом не считался, была старая часовня, такая же ясачная изба, один амбар и 12 домов. Но влияние все-таки Петр оказал, уже при внуке своем, так как он написал указ о формировании первой и второй экспедиций Витуса Беринга. Екатерина Первая и даже вороватый Меншиков не решились отменить указ Петра. В 1727–1728 годах в Охотске был построен бот «Святой Гавриил», и состоялось повторное открытие пролива между Америкой и Азией. Бумаги о первом открытии так и продолжали лежать в Якутске неизвестными. При внуке Петра, Петре Втором, была откры-

та навигацкая школа, где предписывалось учить навигацкому делу детей казаков. Это очень важное указание! Россия была сословной страной, и в училища в европейской части России сыновьям казаков путь в штурмана и капитаны был закрыт в то время. Про вторую экспедицию Беринга я и писать не слишком хочу, дело в том, что очень многие отдают приоритет достижения берегов Аляски именно командору. Нет! За восемь лет до его отплытия во вторую экспедицию построенное для него судно «Святой Гавриил» под началом геодезиста М. С. Гвоздева и подштурмана И. Федорова 21 августа 1732 года в ходе экспедиции А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого 1729–1735 годов впервые, с документальным подтверждением сделанного, достигли берегов Аляски. Кроме того, есть отрывочные сведения о посещении русскими людьми Америки в XVII веке. В те же годы посланный Петром I сербский дворянин и предприниматель Владиславович окончательно закрепил южные границы в Забайкалье, и были установлены торговые отношения и Цинским Китаем. То есть царские правительства первой половины XVIII века особо не интересовались тем, что происходит на далеком Дальнем Востоке. Под вторую экспедицию Беринга была заложена и построена Охотская верфь, которая построила корабли для второй экспедиции. Лишь с приходом к власти, путем вооруженного переворота, дочери Петра Елизаветы I, политика в отношении Сибири начала меняться. Стало гораздо больше переселенцев, так как дворянам разрешили

ссылать сюда крестьян, в зачет рекрутируемых в армию. В чем резон? В армию брали молодых и сильных, которые и в имени пригодятся, а в Сибирь можно было сослать любых. С помощью этих крестьян начал наконец-то прокладываться Сибирский тракт, который должен был соединить Москву и Кяхту.

Прошел целый век, но значительных перемен не наступало. Даже появление Русско-Американской Компании (РАК) практически не повлияло на положение в Забайкалье. На пользу это пошло всего двум-трем городам: Аяну, Охотску да Петропавловску-на-Камчатке. Сибирь оставалась местом ссылки. Даже назначение сюда на высокие государственные должности считалось наказанием. Цифра «1812» – она не связана напрямую с Отечественной войной, хотя до ее начала оставалось около месяца. Она была связана с финансами, так как начиная с 1805 года Россия непрерывно находилась в состоянии войны с Наполеоном Бонапартом в составе трех коалиций. 28 мая 1812 года сенат России разрешил заниматься золотодобычей под смешные десять процентов от добычи, выпустив указ под длиннейшим названием: «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати». Так как в названии было написано «всем», а в теле документа это дело разрешили лишь «некоторым сословиям», то возникла пауза. Все новое у нас имеет свой-

ство преодолевать определенное недоверие со стороны «исполнителей». «Победителю Наполеона» после 14-го года стало несколько недосуг заниматься такой мелочью, и разъяснения пришлось давать его брату Николаю, после того, как человек, «проведший всю жизнь в дороге», умер в Таганроге, кстати, не оставив наследника. Ведь фактически этот указ ликвидировал одну из старейших монополий в государстве. До этого добыча драгоценных металлов находилась под строжайшим контролем Берг-коллегии. А если прибавить сюда целый ряд законов, принятых двумя братьями-императорами, касающихся прав крепостных, то в Европейской части России начали появляться «свободные рабочие руки». Эти новшества не «спасли» саму Россию, которая за балами да маскарадами XVIII века «забыла» произвести техническую революцию и свалилась с первого места в мире по выплавке чугуна куда-то в самый конец среди европейских стран, но в Сибири начался «бум». За счет этого указа с 1824 года как на дрожжах начали расти города. В том же Красноярске золото добывали в черте города. Двести лет ходили по нему, ибо царь-батюшка не велел наклоняться! Но вслед за золотом сюда переместилась и преступность, до этого неведомая, и мощнейшее расслоение по доходам. Всплыли сотни «миллионеров-на-час», и как ни странно, этот указ и его результаты оказали воздействие на весь мир! «Снежная цепь гор Калифорнии в её минералогическом строении совершенно сходна с горными породами Сибири», – писал английский

геолог Р. Мерчисон (Murchison). В 1848 году было найдено золото в Калифорнии. Началась знаменитая «Калифорнийская золотая лихорадка». Сибирь они тоже не забыли, и англичане были активными участниками «золотой лихорадки» в России. Их геологов приглашали за огромные деньги найти русское золото, организовать прииски, закупалось оборудование для них. Но в основном на первых порах все делалось вручную, а затем начинался кутеж! Десятипроцентная ставка тоже долго не продержалась, начала стремительно ползти вверх, до 35 %, а в некоторых местах и того больше. Во многом за счет рабочих приисков произошел и рост рабочего движения в России. Именно золотодобытчиков расстреляли на Лене. К середине века геологи сказали, что «легкое золото» заканчивается, но есть «неосвоенные территории». Как вы понимаете, это Даурия, Амурская область и Уссурийский край. В 1856 году на месте Усть-Зейского острога закладывается одноименный военный пост, состоящий уже из казаков-забайкальцев, армейских артиллерийских команд, имеющих опыт Среднеазиатских походов. Крымская война еще идет! Через два года в городе Айгун, который маньчжуры перенесли с Селенги на Амур, кстати, на правый берег, не нарушив существовавшие договоры, Рафаилом Александровичем Черносвитовым, сибирским золотопромышленником, но находившимся в ссылке на вечном поселении «петрашевцем», был составлен и подписан Айгунский договор, возвративший России Амурскую область. Подписан он был

генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-адъютантом графом Муравьевым. Когда экземпляр этого документа был доставлен в Петербург, то в конце его фамилии Александр II поставил тире и собственноручно начертил: «Амурский».

В том же году был заложен город золотопромышленников Благовещенск.

Это я так, немного отвлекся, чтобы не тратить ваше драгоценное время на описание дороги от железки до Георгиевки. Лишь ближе к вечеру они подъехали к селу, где расположился отряд Бороды. По уставу, существовавшему перед войной, бороду следовало брить. Исключение предоставлялось только тем, у кого «рожа крива». Строгов заполучил в лицо удар пикой во время подавления «боксерского бунта» в 1901 году. И с того времени носит бороду, черную как смоль, с редкой проседью. Сам он коренастый, кривоногий, ходит враскачку. Встречать он не вышел, не по чину, так что, поставив Орлика в стойло и сменив ему пропотевшую попоную, забрав выюки и седла, Илья с Иваном двинулись в сторону штаба, доложиться и передать шифровку от Лазо, которая была вшита в стеганое одеяло Ивана.

– Вань, шелковину достань!

– Илюха, не учи ученого, держи. – Иван, выполнявший роль ординарца и посыльного, протянул ему кусок белого шелка, на котором, на первый взгляд, ничего не было.

В штабе накурено, довольно много людей, но несколько женщин убирают со стола, готовясь накрывать его к ужину.

– А, явились, гости дорогие!

– Является черт во сне, а мы – прибыли, Иван Василич. Шифровка, велено передать во все отряды.

– От кого?

– Передал «Виноградов», лично, либо вам, либо Емельянову.

– Серёга, что ль? Жив курилка? Мухин! По твоей части!

Илья с удивлением посмотрел на подошедшего. Тот казаком не был, был фальшивомонетчиком, дважды судимым за подлог, громкий процесс был, осудили его к каторжным работам. Илья знал его как Чижикова.

– А это кто? – удивленно спросил он и поднял руку с шелковиной, вовсе не собираясь передавать ее в руки такого человека.

– Комиссара мне прислали, Фёдором кличут.

– У меня приказ передать либо тебе, либо Емельянову. Этого товарища я знаю как Чижикова, человека нечистого на руку. Поэтому передам письмо Иван Ильичу, раз ты сам, Иван Василич, читать не хочешь.

– Ты что себе позволяешь, сынок офицерский? – взвился Мухин.

– А ты где был, Чижиков, когда мы Советскую власть в городе устанавливали? – ухмыляясь, спросил его Илья. – Почему 302-ю дружину не поднял, когда городскую думу раз-

гоняли? А задергался уже в декабре. Да потому, что ты сам в думе сидел!

– Так, Илья, заканчивай! Пошли, не люблю я эту химию! – морщась, сказал Борода и направился в другую комнату.

– А ты куда? – спросил он Мухина-Чижикова и слегка толкнул его рукой, не позволяя войти в дверь. – Здесь посиди, Виноград поважней тебя будет. Сказал нельзя, значит, нельзя.

– Он – эсер!

– Он – большевик, еще в прошлом январе перешел к ним, – сказал Илья и затворил перед комиссаром дверь.

– Чё ты с ним сцепился? Мужичок он мелкий, да вонючий. Теперь не отцепится, – сказал Борода, доставая бутылку, с помощью которой можно было «проявить» написанное. Поморщился, разложил шелковку и начал водить по ней смоченной тряпкой. На ткани появились темные мелкие буквы, которыми были покрыты обе стороны материи.

Иван Васильевич вчитался в написанное, хмыкал несколько раз, довольно кивал головой, затем в дверь постучали, но он громко крикнул:

– Кто там еще! Не входить! Занят! Глянь, кто там, и гони в шею! – сказал он Илье.

Но за дверью стояла его супружница, Фрося, которая оттолкнула Илью и все-таки вошла.

– Этот, Фёдор, бузу вздумал поднимать, в третью роту побежал.

– Пусть бежит! Хрен ему, а не восстание. Удумали тоже! В городе целая бригада, да одних еропланов шесть штук. Восстание! Садись, гимназист, пиши! – и положил перед ним шелковку с приказом комДальфронта.

– А что за восстание? – спросил Илья, усаживаясь за стол, чтобы переписать сообщение.

– Да тут носятся с идеей поднять села на борьбу с захватчиками, не казаков, а переселенцев. Дескать, Совет так решил. Пиши-пиши, а то ужин стынет. Слышь, Илья, а ты дальше куда?

– Приказано помочь ивановским.

– Там помогать-то уже некому, разбежались они по другим отрядам. Начштаба ко мне пойдешь? Батяка-то у тебя штабным был, да и ты все время возле штаба крутился. А? Чё скажешь? Нету грамотного ни одного, кто б карту читать мог, да марши готовить.

– Да мне надо бы с дядькой поговорить, я в Талали собрался.

– Да он же тебя не отпустит, а ты внимательно приказ прочти! У него боев не будет! А мы – на отшибе, нам и действовать приказано. Пиши-пиши!

Приказ, действительно, запрещал боевые действия вблизи города. Требовалось растянуть силы противника, вынудить его распылить свои отряды для охраны коммуникаций. Копить силы и ждать приближения Красной Армии. Подвергать налетам только обозы противника и отряды колчаков-

цев. Японцев не задирать, менять власть на местах, без объявления об этом. Втихую. Здесь, само собой, восстанием и не пахнет! Едва успел поставить последнюю точку, как за окном раздались крики, требующие командиру выйти. Буза началась. Но к хате, в которой они находились, со всех сторон начали подтягиваться казаки.

– Держи! – Борода протянул Илье его мечту: «маузер» в деревянной кобуре, которую он перекинул через голову и повесил на левую сторону. Они, и еще несколько человек, вышли на крыльцо, перед которым находилось около пятидесяти вооруженных рабочих и крестьян, возглавляемых тем самым Мухиным.

– Комиссар, ты чего бузишь? Хочешь, чтобы я тебя разложил на две части? Ты в моем отряде, а не я к тебе пришел. А ну, всем на построение! Бегом! Горнист! Сбор!

Звонкие звуки тревожно раздались сзади, и из изб начали выскакивать остававшиеся там казаки и партизаны.

– Равняйся! Смирно! Третья рота! Вы команду не слышали? – голос у него был хорошо поставленный, командирский. Он – бывший вахмистр. Третья рота задвигалась, немного подравнялась и замерла.

– К нам прибыло подкрепление с под Читы, привезли приказ командующего фронтом товарища Лазо. Весь зачитать не могу, но кратко поясню. Красная Армия ведет наступление на Киев, они взяли Казань, вернули Симбирск и Уфу, разгромили армию Комуча. Ведут наступление в Прибалти-

ке, взяли Ригу и Двинск. Но в Омске формируются еще одна белая армия, которая, как только установится погода, перейдет в наступление против наших 1-й и 5-й армий под командованием Тухачевского и Блюмберга. Нам поставлена задача блокировать воинские перевозки по железной дороге. В бои с японцами не ввязываться, нападению подлежат только части армии Колчака и семеновцы. Ну, и кумовьев наших, гамовских да калмыковских, не забывать. В деревнях воду не мутить, не подвергать население угрозам со стороны японцев. Время гнать их еще не пришло. Приказано беречь людей и силы, ждать подхода Красной Армии. Вот так! Что касается тебя, комиссар, и решения твоего «Совета», то, как я тебе и говорил, приказ категорически запрещает провокации против японцев. Так что бред свой, с восстанием, можешь забыть. Приказ РевВоенСовета фронта. Вопросы?

– Да как же так? Там в городе люди гибнут, а мы отсиживаться будем? На помощь не придем?

– А чем ты можешь им помочь? В городе стоит японская бригада. Восстание в деревнях будет подавлено, и мы лишимся большего: поддержки на селе. Одна Георгиевка вас всех не прокормит. Вас много, а землицы здесь – кот наплакал. Есть приказ, значит, так и действуем. Всё, разойдись!

А тут еще и колокола зазвонили, так что самое время ужинать. Бойцы расходились по домам и землянкам.

– Пойдем, Илья, повечерим. А брательник-то где?

– У пулемета. Сейчас придет.

– Шустрый ты! Давай-давай, думай! Второй раз предлагать не стану! А этот Мухин – ни рыба, ни мясо. Комиссар из него – как из говна пуля, даром что в Совет выбрали.

Но ответа Илья ему не дал, решил вначале до Талалей доехать. И надо было решить, кому передать самую главную ценность, ради которой все и затевалось: ротапринт и шрифты. Они нужней всего на той стороне Зеи, да вот как туда добраться? За ужином он завел разговор, но не об этом, а о том, каким образом противник узнал о том, что они едут.

– Этого, брат, я те не скажу. Мы от города далеко, прямой связи с ним не имеем. Все идет через Талали. Там поставлено несколько иначе, чем у меня. Здесь-то – глухомань, и оборону держать легко. А там крутиться надо. Хотя и здесь забот полон рот. Вот разбились на «роты», целых три, а народу всего 246 человек, двух эскадронов не набрать, половина – безлошадные. «Трехлинеек» мало, больше «берданки», пулеметов – два. Патронов почти нет. А мужики – стрелять не умеют, особенно корейцы и китайцы. А беда общая: и там японцы, и тут японцы. «Колчаков» можно не считать. Их Макарушка, дядька твой, приголубил так, что долго еще не поднимутся. Они учения решили провести на Томи, а он у них вначале угнал обоз с боеприпасом, ночью отбил батарею, а потом окружил их в Сухой пади, дал расстрелять боеприпас и выпорол всех, особо резвых порубал. – Иван Васильевич зашелся беззвучным смехом.

На сторону большевиков перешли в основном казаки с

германским боевым опытом. А «гамовские» пополнились теми, кто в тылу отирался всю войну. «Колчаковские» войска комплектовались вчерашними гимназистами да приказчиками разорившихся из-за войны контор и лавок. Так что реальной боевой мощью они не обладали. Те, кто прошел германскую, были распропагандированы еще на фронте. Именно фронтовики составляли основной костяк всех отрядов. Их было не слишком много, но использовались казаки, амурцы да уссурийцы, в основном в «охотных командах», так как с детства были приучены к тайге да к пограничной службе. Наблюдать, отыскать тропы, по которым кули переносили контрабанду. Пресекать переброску золота за рубеж, чем активно занимались китайцы. Плюс разбираться с бандами хунхузов. До войны подготовка амурских казаков была достаточно высокой, а вот дальше начались сложности с боеприпасами, кадровым составом, с лошадьми, а главное, очень активизировались цинские разведслужбы и купцы. В ход пошел подкуп, война была очень непопулярна, а за счет пропуска «контрабаса» можно было «откупиться» от маршевых рот. По этому «параметру» в основном и произошел раздел войска. Не исключая, конечно, и родовой признак.

Утром команда двинулась дальше, в сопровождении того же Михалева. Через час от дозорных поступил сигнал тревоги. Изготовились к бою, но все оказалось еще более загадочно: дозорные задержали двух партизан, которые сопроводили комиссара Мухина на ближайшую станцию Ту. Он якобы

поехал с подписанным письмом партизан 3-й роты в город, чтобы обратиться к подпольному Совету, что командир отряда Строгов вышел из подчинения Совету народных депутатов и не желает исполнять его решения.

– И вся рота подписала?

– Ну, почти, он до полуночи бегал и кричал, чтобы подписывались.

Илья отвел в сторону Михалева:

– У него с собой список роты, попадет к противнику, не миновать арестов родичей. До Талалей мы и сами доберемся, не маленькие, а ты давай-ка к командиру вместе с этими мужичками, да предупреди перекрыть дороги на Ту и Сиваки. И напомни ему про тропу на Черняево. Давай, действуй. Скажи ему, что это я, как начштаба, прошу ему передать.

Из саней достали шесть ящиков винтовочных патронов и завьючили трех лошадей, отъезжающих в отряд, на всякий случай. Путешествие предстояло довольно долгое, между Георгиевкой и Талалаями 110 километров по прямой. А в тайге прямых дорог нет. За то время, пока вернутся, многое может произойти с отрядом.

Ночью, на пятые сутки, не по мостам, форсировали коварную реку Белая, из-за теплых ручьев лед на ней тонкий, с подмывами, но обошлось, прибыли на место. Она хоть и мелкая, но купаться зимой холодновато. Подъехали прямо к дому дядьки, караулов с той стороны у него не оказалось, бери голыми руками. На шум вышел сам хозяин, да вот только

он не сильно обрадовался нашему приходу. В дом не пустил, почему – не сказал, пошли обратно за Белую, там у него казармы, где базируется примерно половина отряда. Рассказали ему о «конфузе», поэтому в первую очередь бывший есаул отправил дежурного посты проверить. Казакам, прибывшим с Ильей, выделили место в казарме, даже с простынями, а Макар Василич с племянниками перешел в штаб, который находился за казармами. На столе появилось угощение, бутылка «Николаевки», невиданная роскошь. Помянули всех. Но новости были плохие. Мухина взяли, проследили от вокзала и забрали на конспиративной квартире сразу по приезду. Через два дня он был убит прямо на улице, якобы при попытке к бегству в центре города. Причем не конвоем, а проходящим японским офицером.

– Судя по всему – неудачная инсценировка побега.

– А что в городе?

– Пока тихо, ни арестов, ни облав. Вот только можешь на себя полюбоваться, – и он достал из стола плакат с портретом Ильи и надписью: «Разыскивается опасный преступник».

– Только меня? А Ивана?

– Нет, Ваню не ищут.

– Дядя Макар, знакомься с приказом по Дальфронту. И надо организовать передачу его дальше. Где Емельянов, не знаешь?

– В городе. Я послал своих, вытащить его оттуда, но пока не вернулись. Плохо дело!

– Как попасть в Константиновку?

– Спроси что полегче. Блокирована она японцами, они держат мосты в Николаевке и Тамбовке. Только разве что по той стороне реки. А что надо?

– Мы типографию привезли, товарищ Виноградов просил ее разместить на левом берегу Зеи, чтобы всех держать в курсе того, что происходит. Сам же понимаешь, что основное население находится там и в городе. Плюс просил восток губернии не оставлять без внимания, особенно Александровскую.

– Тогда только через ту сторону, но шустро и минуя Сахалин. Там Гамов крепко сидит. Да, еще, этот майор Ямада за что-то хочет с тобой поквитаться. Так что не стоит тебе и близко подходить пока к городу.

– Кони нужны, дядя Макар, у меня только четыре текинца, и все под седлом, а без запасных коней мы туда не прорвемся.

– Да где ж я тебе столько возьму?

– Я немного в курсе событий. Кобылицы-то где? Место надежное?

– Надежное, – нехотя ответил Макар Васильевич. Он – младший брат отца, и попросил деда выделить его, давно, еще дед жив был. Рассчитывал на большую долю, да дед «девок» наделил, сестер не стал обижать, так что стать богатым и счастливым у Макара тогда не получилось. Приезд Ильи и Ивана не слишком пришелся по душе дядьке. Но Илья ска-

зал ему то, что он хотел услышать.

– Сам я здесь не останусь, дядя Макар. Заварушка кончится – в Питер подамся, в университет. Так что не трясись за коников. И не жмись, для дела нужны, а то, что заботу о них проявил, за то тебе большое спасибо. Если Василь и Дима вернутся – решать будем на семейном совете, мой голос будет за тебя. А я в Петровку и Грязнушку больше ни ногой. Через них все погибли. И Ямаде я этого дела не спущу.

– Сколько вас?

– Двадцать.

– Утром получишь. И уходите, судя по всему: вот-вот начнется. Отходить ближе к Амуру, разъездились япошки вдоль дороги.

Утром все пересели на текинцев, и второго взяли в повод, шестеро «донцов» заменили гужевых «даурок» в санях. Макар Василич «подбросил» трехлинеек и маузеров-винтовок. Выделил для георгиевского отряда боеприпасы. Те самые, колчаковские, которые взял у Сухой пади. Георгиевским предстояло стать главной ударной силой на этой стороне Зеи. Попросил подготовить базу и для него, на случай ухудшения обстановки.

– У меня – шестьсот сабель, все конные, фураж запасайте и хотоны стройте, лошадей много, противнику их оставлять нельзя. Сам понимаешь.

Трижды расцеловав каждого из племяшей, он повернулся

и пошел прочь, заложив руки с нагайкой за спину.

По совету дядьки приняли влево по дороге на Саскаль и обошли «голый» участок пути, где были выделены участки для поселенцев, но которые еще не были заселены в районе реки Берея. Лишь углубившись в тайгу, сбросили ход, до этого шли на рысях. Дорогу вдоль Амура сделали казаки. Басов обозначил на карте, в какие посты и станицы заходить не стоит. Так что на обратный путь времени потратили значительно меньше. Вот только пришлось лично убедиться, что у белых с японцами идет подготовка чего грандиозного: в воздухе появились аэропланы. Еще раз заночевали на Ушаковском посту, где проживали казаки, официально в партизаны не вступившие, но поддерживающие отряд Бороды, а затем ушли вправо, обходя Новую Воскресенку, где находились «гамовцы».

– А, прибыл?

– Да, кое-что привез, патроны подбросили и винтовки.

– Это кстати, ночью уходим. Но треба с «гамовскими» посчитаться. К ним ероплан садился. Садись, прикинем: что да как.

Так что, прямо с дороги, пришлось начинать готовить операцию. Впрочем, она не состоялась! Прилетели три голубя-почтаря: в Черняево выгружается рота японцев при двух орудиях, а к Ушкам, где ночью стояли, подошла еще одна рота. В Вознесенке «гамовские» подняты по тревоге, готовятся куда-то выступить. Так что операцию пришлось отло-

жить и быстро собираться и отходить к Сивакам, через тот мостик, как сюда шли, оставив несколько заслонов, чтобы пощипать «гамовских». Казаков удалось «уговорить» дальше не идти, накрыв их огнем ручных пулеметов у моста через Большой Онон, а японский отряд продолжал преследовать их и несколько раз пытался штурмовать их с помощью аэропланов. Лишь после того, как Ерофей повредил один из самолетов, который ушел, дымя, в сторону Благовещенска, и загнав отряд почти до берега Зеи, японцы прекратили операцию. Возвращаться было некуда, базу японцы сожгли. Но Дед не тот человек, который кому-нибудь что-нибудь прощает. Дав людям и коням отдохнуть, услав обоз в Овсянку, он сосредоточил отряд возле станции Ледяная. Дождавшись прибытия туда эшелона с углем и тремя вагонами, в которых оказались артиллерийские снаряды и девять человек колчаковского караула, захватывает его, сажает на паровоз бойцов из третьей роты, железнодорожников, и отправляет поезд обратно в Алексеевск.

Большой диверсии не получилось, большого взрыва не было, снаряды просто раскидало. Рассчитывали, что путь до Алексеевска будет свободен, но беяки успели загнать на пути бронепоезд, который столкнулся с угольным составом, а вагоны со снарядами были в середине. Тем не менее бронепоезд назад своим ходом не дошел, застрял в Алексеевске надолго под ремонтom и в конце концов достался Красной Армии. Так как пути были повреждены, то ушли отту-

да спокойно. Вернулись в те места, откуда ушли, и захватили Новую Вознесенку, отомстив за месяц скитаний по лесам и сожженную базу. Затем отряд передислоцировали в район Ивановки на Уркани, где дождались весны. Это далеко от Благовещенска, там было абсолютно тихо, никого этот глухой угол не интересовал. Отряд охранял золотые прииски, которых в тех местах много. Задача была поставлена не допустить вывоза золота, как колчаковцами, так и японцами.

И это не была придумка Советской власти, с 1860 года амурские казаки охраняли не только границу, но и прииски. Они ловили и беглых рабочих, которые, найдя крупный самородок, старались «сделать с прииска ноги». Все владельцы приисков платили четыре процента с добычи, казацкий сбор. Случалось, что и разгонять митинги и забастовки приходилось, то есть исполнять роль полиции и жандармов. Это – условия этого дела. Опять-таки охраняли доставку золота к железнодорожной станции, а иногда и дальше, до самого Петербурга обеспечивали защиту. Дважды казаки пытались снять с себя эти обязанности, за первое прошение весь рядовой состав до вахмистров включительно получил розги в 1905 году. В феврале 1917-го добились своего, но уже в апреле их вернули на прииски уже на новых условиях сами золотодобытчики, имеются в виду владельцы приисков. Та же Георгиевка еще совсем недавно была прииском, просто жила закончилась, рабочие ушли, а казаки, у которых там были поля и дома, остались. Рабочие бараки переделали в казар-

мы, конюшни там и до того были.

Второй нюанс, нам-то он до боли знаком, а тогда это было внове. После 1910 года, вместо русских рабочих, золотопромышленники начали массово вербовать нелегалов-корейцев и китайцев на работу. Русские сохранили свои рабочие места только на подземных выработках, число которых было невелико, но и там, на шахтах, где это только было возможно, появились «гастарбайтеры». Были забастовки, были их расстрелы, но власть была на стороне промышленников. Поэтому большинство казаков худо-бедно владело корейским и китайским, некоторые еще и монгольским. Не свободно, конечно, но могли объясниться или выслушать жалобу и разобрать ее. Среди корейцев было удивительно много членов Компартии Кореи. Среди китайцев чуть меньше, но тоже много. Еще бы! Они составляли самое дно рабочего класса, вынужденные работать за еду.

Так как в обязанности Ильи входила и организация конвоев для доставки сюда продовольствия, инструментов и рабочей силы, то он сумел, не привлекая внимания никого, переправить в Константиновку ротапринт и шрифты, выполнив наконец приказание комфронта. К этому времени он обзавелся густой окладистой бородой, и признать в нем того самого Илью Басова было трудно. А документы для поездки он выправил в конторе прииска «Счастливый». Очередная партия рабочих была сформирована в Константиновке, так что никаких проблем не возникло. Японцы гораздо бо-

лее придирчиво осматривали «багаж» корейцев и китайцев, нежели их конвоя, ради такого случая нацепивших погоны на шинели.

Еще одним геройским подвигом отряда стал захват вооруженного парохода с японцами и колчаковцами, тащившего на буксире баржу с четырьмя 76-мм пушками. Они поднялись по Зее, чтобы прийти на Уркан. Что-что, а золотишко их здорово интересовало! С помощью натянутого под углом троса и большой лебедки удалось прижать его к берегу и взять на abordаж. Ну, а шашкой и кинжалом казаки владеют с детства, так что обзавелись и «собственным» кораблем, пусть и старым, и орудиями. Целой батареей новых скорострельных пушек с большим количеством боеприпасов.

А это – весна 1919 года, все газеты забиты успехами белых войск. Колчак взял Уфу, подходит к Волге, Добровольческая армия – Харьков, в Таллине и Либаве высадились немцы, которым даже Рейхсвер запрещено было иметь, ничего, здесь – можно, они утопили в крови Финскую республику, теперь ведут наступление, стремясь окружить части латышских стрелков, установивших Советскую власть во всех трех республиках Прибалтики. С их помощью Юденич начал новое наступление на Петроград. Финны идут на Петрозаводск. От Архангельска, при поддержке Антанты и американцев, начинают давить в сторону Вологды. Еще немного, и обещают взять Москву. Есть непосредственная угроза Туле.

Газеты более товаром не являются, их просто разбрасывают на улицах, так как кроме пропаганды там ничего нет. Начала выходить и «Амурская правда», где описали, с кличками, захват парохода, и даже снабдили его рисунками. Только-только по Зее прошел ледоход. Все торопятся. Используя имеющееся золото, закупили три вагона американских «винчестеров», под нагановский 7,62 патрон. Они – охотничьи, бьют чуть дальше револьвера, но бьют! И быстро. Кстати, немые вестерны в синематографах уже идут, поэтому «кольты» и «винчестеры» популярны.

А еще Илье в весеннем путешествии в Константиновку удалось решить одну из самых страшных проблем: быстрая смена рабочих на приисках заключалась в большом количестве заболеваний «позорными болезнями». Там, где работали китайцы и корейцы, для них заранее вербовали девиц в публичные дома, и при каждом руднике существовал вертеп, через которых всех заражали венерическими заболеваниями. Оно и раньше было неблагополучно в этом отношении, а здесь явно работала японская разведка, потому что это стало бичом для рабочих этих двух национальностей. В Константиновке Илья приказал провести медосмотр, и четверо местных фельдшеров отсеяли процентов двадцать рабобтяг и шестьдесят процентов «девиц». Лишь после этого их сопроводили на работу в район Овсянки. После этого была пара заболеваний, но эпидемию удалось прекратить. С появлением стрелкового оружия рабочих с приисков вооружи-

ли и обучили умению обращаться с ним, русским командам, помогли им назначить толковых командиров. Отряд превратился в большую силу. Было даже три броневедомости «Рено» с «гочкисами». Страшная сила! Как таковой артиллерии у тыловиков Колчака не было. Грамотное использование бронетехники отлично помогало в боях. Где-то в середине мая вначале «Амурская правда», а затем американские газеты сообщили о начале общего наступления большевиков на двух фронтах и об остановке наступления Юденича. Затем заговорили о катастрофе под Уфой и на Волге «дермократические» листки. Колчаковский фронт рухнул и покатился на Восток. А пути забиты, и этим вопросом командуют французы, но им мешают белочехи. Пришло сообщение и из Зилово об активизации действий. От Зеи, Овсянки и вдоль Дефы три партизанские дивизии накатывались на тонкую линию железной дороги. Одновременно в Константиновском, Поярково, Диме, Чесноково власть полностью переходит к Советам народных депутатов. Правда, на восток восстания казаков пошли, а на западе люди пока стесняются отодвинуть бывшую власть. Ждут подхода основных сил. Но в Скобельщине и Астаршихе получили, наконец, доступ к телеграфу, и какая-никакая связь с командованием появилась. Отряды Бороды вышли к «железке» через два дня, заняв сразу три станции на ней. Там получили приказ наступать вдоль дороги в западном направлении, в сторону станции Зилово. Перевозки для Колчака все попали в руки пар-

тизан, а недостатка в людях они уже не испытывали. Перешедшие на сторону белых «гамовцы» в основном занимались грабежом и экзекуциями. Еще зимой Илья попал в разведке под такую «экспедицию». Несмотря на то что «косил» под убогого, устроенный спектакль на ура не прошел, полупьяный подхорунжий, командовавший меньше чем полусотней казаков, сказал:

– Высыпь ему двадцать штук, мож ума наберется, и с глаз долой.

На шестом ударе шомполом Илья потерял сознание, его подобрал Ваня, китаец Вань И, который с помощью настояек из пантов и женьшеня быстро подремонтировал ему спину. Они вернулись в отряд и догнали этот отрядик, тяжело нагруженный награбленным. На той стороне Амура все это быстро и легко продавалось китайцам, за счет чего «гамовские» снабжались и веселились. Бандитов порубали в капусту, а сани с имуществом вернули владельцам, точнее, их односельчанам, так как многих уже и в живых не было. Кроме порки, той стороне предложить было нечего: все уже нахлебались и царя, и бога, и отечества, и демократической России, и Учредительного собрания. Народ ждал тех, кто прекратит грабежи и установит порядок. Но они были еще очень далеко, и тогда отступали. Вот люди, хоть и имели оружие, и терпели побои да поборы. Деваться было некуда, либо терпеть, либо в партизаны. А терпение – оно быстро кончается, когда есть положительный пример.

В тот момент лишь по КВЖД на Западный фронт могли поступать боеприпасы и снабжение, передаваемые Антантой для Колчака. Большую часть этого имущества присваивали себе «семеновцы», сидевшие на том направлении. Их роль в поражении Колчака не менее значительна, чем роль амурских и забайкальских партизан.

Продвинувшись еще на 120–130 километров, Илья уговаривает Деда остановиться и прекратить продвижение. Соединиться с частями Лазо, конечно, интересно и выгодно, но справа висит хребет Тукурингра, разделяющий золотоносные реки Уркан и Гилуй.

– Я говорил с Верховским, геологом и главным инженером участка Ореховских приисков. Еще в прошлом году на хребте работала партия англичан-геологов, под прикрытием забайкальских казаков-семеновцев. Там – свежие месторождения большой мощности. Не мог Семенов пройти мимо золота. И пока там не проведем разведку и очистку местности от «мусора» семеновского, вперед идти опасно. Отрежут у Магдагачи, и всех подставим под удар. Рядом Нерчинский завод, Албазин и Черняево, это – вотчина Семенова, так что переходим к обороне. У него снабжение и вооружение лучше, чем у нас.

Вот так на первое место, вместо всех остальных, выдвинулся атаман Семенов. Предположения Ильи полностью оправдались уже через неделю, когда пришлось отражать удар с двух

сторон по станции Магдагача. До восьми эскадронов атаковало ее. Но противник не ожидал, что его встретят с подготовленных позиций шрапнельными гранатами по пристрелянным точкам. И хорошо организованным огнем, и маневром.

Сергей Лазо, поначалу требовавший прекратить панику и быстрее продвигаться вперед на соединение с ним, оценил предусмотрительность Бороды, и сам перебросил две бригады и бронепоезд «Зиловец» в помощь обороняющимся войскам Строгова. Казаки и китайцы хороши в наступлении, а обороняться приходится морякам-артиллеристам и рабочим отрядам, в том числе корейским. Остальные большой устойчивостью не обладают, сказывается то обстоятельство, что долгое время находились не на линии фронта. Лишь «Железный казачий полк», так сказать, личная гвардия Бороды и Ильи, с которыми Строгов все это начинал в 1918 году, плюс те, кто подтянулся в начале 19-го, в самое тяжелое время, отличала и хорошая выучка, и приличное обмундирование, и желание выполнить любой приказ своих командиров. Про Илью уже никто не говорил, что он – мальчишка-гимназист. Он считался опытным и бывалым начштаба партизанской дивизии. А это – сила на этом дырявом фронте шириной пять-десять километров вдоль железной дороги. Накопив боеприпасы и снабжение, войска Дальневосточной партизанской армии наконец-то соединились на станции Рухлово и через два дня вышли на русско-китайскую границу у

Рейнова, напротив Синьяна. Семенов в тот момент больше внимания уделял положению в Южной Даурии. Он был недоволен беспомощностью Колчака, которого сам признал Верховным Главнокомандующим. Тот, под сурдинку наступления на Москву, сумел забрать у атамана часть сил, бесславно сгинувших где-то под Казанью. Мобилизационный ресурс у Семенова оказался ничтожным, и хотя его отряды в Забайкалье были вполне боеспособны, но перешедшие на его сторону казаки вывезли свои семьи в Монголию и Китай и были заняты тем, чтобы награть побольше и отправить это на ту сторону.

До глубокой осени основным занятием Ильи была организация поисков нелегальных приисков и перехват караванов со снабжением и золотом в двух направлениях. Глядя на его успехи в этом направлении, Сергей Лазо несколько расширил театр его действий, включив туда дополнительно Шилкинский и Аргуньский округа, где существовала та же самая проблема. Контрабанда золота в этих местах приняла угрожающие размеры.

– Это – достояние республики, Илья! Золото требуется не только для войны, но и для построения коммунизма. Посмотри вокруг – сплошная разруха! Куча сирот, сгоревших изб, разворованных заводов и фабрик. Восстановить это можно, только имея внушительный золотой запас. А он сейчас почти полностью находится в руках белых. Наша задача, в первую очередь, наладить пополнение нашего золотого за-

паса, прекратить вывоз золота за границу. Людей, транспорт и патроны получишь. Это тебе – партийное задание. Действуй. Дивизия ваша пока в обороне, время есть. На фронте – полное равновесие. Ни мы, сами, ни наши противники наступать пока не готовы. Требуется зачистить тылы. Вот тебе мандат, удостоверяющий, что ты действуешь как член Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем на участке Забайкальского фронта.

Что такое ВЧК, Илья представлял себе смутно, но так как требовалось перекрыть границу, то никакого отторжения новая должность не вызвала. Конечно, приходилось много мотаться вдоль границы, уговаривать служивых заняться прежним делом. Войдя в контакт с Революционной армией Китая (была такая!), добился получения пропуска на китайскую территорию для организации борьбы с хунхузами. Дело было в том, что сразу после завоевания Кореи Японией на территории соседней Цинской империи появляется новая партия, созданная Сунь Ятсеном, гавайцем китайского происхождения. Он же – Сунь Вэнь, он же – Сунь Чжуншань. Партия была создана, как вы догадались, на территории Японии. Она называлась Гоминьдан. Сам революционер родился на самом юге страны возле португальской колонии Макао. Занимался данный революционер не «революцией», а заговорами, в основном неудачными. Опирался не на народ, а на военную силу и интеллигенцию. Почему им была избрана эта такти-

ка – вполне понятно: большинство жителей Китая, ханьцы, были порабощены этническим меньшинством: маньчжурами, этническими монголами. Получив поддержку среди военных, он надеялся, что все остальное завершит стихийное народное восстание, где преимущество будет за более многочисленной нацией. Главное, вовремя подкинуть националистические лозунги. В 1911 году революция произошла, но автоматически отвалилась Внешняя Монголия, так как она к Китаю никаким боком не относилась, и была вассалом оседлых монголов, в лице династии Цинь. На Тибете – та же самая ситуация. Там ханьцев не было, тюрки да монголы, «тибетцы», как их называли в Китае. Плюс хуейцзу в бывшем Джунгарском ханстве. Они и вовсе мусульмане. Возник конфликт интересов между севером и югом страны, а кроме того, ее окраины засобирались в свободное плавание. Сразу Сунь Ятсену власть никто не передал, он побыл временным президентом Китайской республики, но власть получил командующий цинской армии и последний премьер-министр Цинского правительства генерал Юань Шикай. И революция продолжилась!

Власти на местах как таковой не было. Охраной границы там никто не занимался, работала только «таможня», но на собственный карман. Несколько сложнее было решить вопрос со «своими». Тут помогло то обстоятельство, что многие, особенно пожилые казаки, хорошо помнили его деда, полковника, дважды имевшего чин полевого генерала. Да

и отца, который, правда, до чинов деда не дослужился, но только потому, что несколько лет, после ранения во время русско-японской войны, был ограниченно годен к службе, и не закончил Академию, поэтому выше войскового старшины подняться не смог. Упирая на то, что «времена и правительства приходят и уходят, а Россия – остается», плюс имея распоряжение командующего фронтом о выделении содержания для пограничной стражи, на большинстве участков, где отсутствовали подразделения, признающие бывшего войскового атамана Гамова, было восстановлено патрулирование и налажена «голубиная почта», единственное возможное средство связи.

Во время одного из посещений таможенного поста Синьянь, на противоположном берегу Амура, где так же, как у нас, подходила железнодорожная ветка, но наплавной мост давно не действовал, но существовал паром, вмещавший один двухосный вагон, при согласовании пропуска на нашу территорию груза, приобретенного в Китае чая, возникла ситуация, что разговорного запаса Ильи, достаточно хорошо знавшего маньчжурский диалект, не хватило. Начальник поста был новым и разговаривал на ханьском наречии, хотя, судя по всему последующему, его просто попросили задержать Илью, чтобы успел подъехать и сойти с поезда франтоватый человек средних лет в белом костюме и с белой тростью. Шляпа на голове у него была тоже белая, пробковая. Он объяснил на русском, с достаточно отчетливым акцентом, что

хочет увидеть «хань», такие документы были, и Илья тут же предъявил их. Китаец буркнул типа: «Рюся кретино, облик морале», махнул рукой кому-то, чтобы подавали вагон на погрузку на паром.

– Спасибо, господин...

– Кристап Хугос, к вашим услугам!

– Еще раз спасибо, господин Хугос, здесь идет смена маньчжуров на ханей, не совсем понятно, что они говорят.

– Меня интересует один металл, желтенький такой. Готов приобрести крупную партию. Оплата в фунтах или франках.

– Беляк, что ли? Знаешь, почему вы проиграете?

– Нет, а разве мы проигрываем?

– Еще как! И все потому, что вам звон этого металла мешает Родину любить. Не уполномочен я вести операции с этим металлом при продаже его за рубеж. Обращайтесь по инстанции. Честь имею! – откозырял Илья и больше на этого человека даже не смотрел. Но лицо его, в очках, хорошо запомнил.

Вокруг никого не было, момент для «контакта» был подобран профессионально. После отплытия Илья еще раз взглянул на берег, но человека в белом костюме не увидел. Он не первый и не последний на этой стороне, кто задает этот вопрос.

Действия его отряда существенно сократили поступление золота на этот берег. По уму – требовалось «усилить меры безопасности», но он был слишком молод и уверен в себе,

чтобы уходить от опасности таким образом. Чай требовался всем, и войскам, и мирному населению. Если ввозить его легально, то желающих ходить на ту сторону резко уменьшится. Поэтому было принято решение наладить приграничную торговлю, тем более что колчаковские снабженцы закупили такую дрянь для своей армии, что иначе как «мочой пожарного» его нигде не называли.

Но боевых стычек у отряда хватало выше крыши, были и потери, но ими за пять месяцев было сдано больше тонны самородного и рассыпного золота. Так что хребет Тукурингра – настоящее Эльдorado Даурии.

В декабре 1919 года произошел переворот в Иркутске, к власти пришло новое правительство эсеров: Политцентр, основной задачей которого было недопущение распространения коммунизма в Сибири и в Забайкалье. Колчак сделал рокировку, передав всю полноту власти в Забайкальском крае атаману Семенову, приказав тому низложить правительство Политцентра. Семенов 22 декабря отправил туда первую «дикую дивизию» и три бронепоезда, под командованием генерала Л. Н. Скипетрова. Но рокировка не удалась! Во-первых, «дикая дивизия», конечно, звучит грозно, но фактически это было примерно около полнокровного полка, вместе с экипажами всех бронепоездов, чуть больше тысячи человек. Больше «свободных» войск у атамана не было. Гарнизон самого Иркутска насчитывал около 700 штыков, в основном пацанов-юнкеров из двух училищ: Иркутского и

Оренбургского. «Современные» историки пишут, что большевики не стремились захватить власть в городе, а предоставили эту честь эсерам, то есть «законному» правительству. Которое полезло в центр города и получило по зубам. Большевики же вооружали и комплектовали боевые дружины со складов в Глазково, где именно они захватили войсковые склады и заранее договорились о том, что будут беспрепятственно, со стороны Политцентра, формировать свои соединения. Основные бои развернулись именно там, после подхода в район Глазково трех неприятельских бронепоездов. Обороняющаяся сторона подорвала пути и блокировала маневры бронесил противника, отбила две атаки: фронтальную и обходной маневр колчаковцев на Знаменку. После этого они получили подкрепления из Военного городка и от станции Иннокентьевской и разгромили противника. Далее уже семеновцы начали нервничать и напали на чехословаков на станции Байкал, несколько забыв о том, что интервенты официально находились здесь для того, чтобы «спасти и вывезти чехов и словаков на Родину». То есть чехословацкий корпус находился под защитой интервентов. Мало того что чехи традиционно навалили семеновцам, так еще в результате действий последних была повреждена единственная телеграфная линия, связывающая всех со всеми. Союзное командование передало ультиматум семеновцам отвести войска от города. Поняв, что все проиграно, бывшие колчаковские полки и батальоны начали массово переходить на сто-

рону восставших. 5 января 1920 года город полностью оказался свободным от колчаковских войск. За сутки до этого великий любовник и исследователь Арктики сложил с себя полномочия Верховного Главнокомандующего и Правительства России, превратившись ненадолго в арестанта. А в феврале по всем городам и весям зазвучала лихая частушка: «Улица, улица! Гад Деникин хмурится, что Иркутская ЧеКа расстреляла Колчака!» И никакие интервенты не помогли! Те, кто привел его к власти в России – белочехи, сами передали его в РевВоенСовет.

19 января в Томске начались переговоры о создании второй «буферной» зоны в Приморье и Забайкалье. Пока шли переговоры, в Иркутске была сформирована Восточно-Сибирская Советская Армия, численностью в 15 тысяч человек. Её костяк составляли ангарские и ленские партизаны, и отдельные части бывшей армии Колчака. Командовал ею полный Георгиевский кавалер Даниил Евдокимович Зверев. Остановив продвижение отступающих войск бывшей колчаковской армии и направив их мимо Иркутска, пешком, по морозцу, вокруг Байкала, армия впоследствии вошла в состав Народно-Революционной Армии Дальне-Восточной Республики. Но до ее создания было еще далеко.

Семенов на тот момент держался исключительно на японских штыках. Ключом к обороне был город Чита, где находилось два батальона японцев и несколько их батарей, с

разведывательным звеном самолетов. Однако здесь у Красной Армии накладка вышла: вместо того чтобы активно двинуться на Читу, занялись дележом портфелей. Командующего ВССА Зверева отзывают, якобы на учебу в Академии Генштаба, и вместо него назначают Эхве. А все упиралось в наркомвоенмора товарища Троцкого. Сам он в этих местах бывал, здесь у него две девочки родились, которых и крестили здесь. И сам он повел свою супругу под венец здесь, в Иркутской губернии. Если что, то он был «выкрестом» и, до переезда в Одессу, идишем не владел, от слова «вообще». Вырос под Полтавой. Находился он тут в ссылке, откуда, по решению некоторых представителей ЦК РПК(б), сидевших, как и он, в этих местах, совершил побег. Связывают организацию этого побега в основном с товарищем Феликсом Держинским, отбывавшим ссылку здесь же. Во время побега он изменил свою фамилию на Троцкого, был Бронштейном. При оформлении липовых документов, при побеге, записался по фамилии начальника Одесской тюрьмы. Места он эти знал и был в курсе, какая здесь глухомань. Войска ему требовались совершенно в другом месте, где они, вполне возможно, были гораздо нужнее: это юг Украины, большая часть Донбасса, Закавказье, части Белоруссии, Литвы, Латвии и вся Польша до линии Керзона или дальше. Здесь проживало, в четырех регионах, 3 миллиона 150,2 тысячи человек. На площади свыше трех миллионов километров. Один человек на квадратный километр. Когда в политику вмешивается

статистика, то судьбы миллионов решает обычная практика: «больше – лучше, чем меньше». Восстановление Советской власти в этих краях решили приостановить. Эсеры предложили «буфер» в виде «независимой республики», в которой Советская власть официально восстановлена не будет, чтобы не дразнить японцев. И согласовали это со странами Антанты. На переговорах в Томске договорились, оговорив, что создание и развитие нового государственного образования будет контролироваться большевиками. Эсеры, оставшиеся с носом со своим Политцентром, немедленно согласились. А атаман Семенов, получивший неожиданную помощь в виде остатков колчаковской армии, которую новый командующий ВССА Эхве не стал преследовать, и уже в середине февраля генерал, дважды метавшийся туда-сюда, Войцеховский привел остатки армии через Яблоновский хребет в Читу, создал Правительство Восточной окраины.

Зверев, намеревавшийся добить колчаковцев до Читы, на это дело не годился. Он бы стал требовать боеприпасы и подкрепления. Пусть учится, святое дело!

До Читы дошло не слишком много солдат и офицеров Колчака, но позже, всеми правдами и неправдами, сюда потянулись все оставшиеся недовольными от Волги до Енисея. В итоге, к осени 1920-го их стало 29 тысяч. Напоминаю: у Семенова под ружьем было вначале 900 сабель, затем цифра выросла до 6 тысяч. Его армия росла, подкреплялась союзниками, и готовился реванш.

А к Илье на огонек в Магдагаче заглянул в начале января командующий Сергей Лазо. Илья сидел, набросив полущубок на голое тело, в одних галифе, все остальное он отдал хозяйке дома для постирушек, и писал отчет о крайней операции, во время которой накрыли три кустарных прииска. Район – потихоньку пустел, работали только два «легальных» прииска в районе «будущей» Золотой горы. Остальных старателей оттеснили на более дальние места или отвадили заниматься нелегальным промыслом. Впустив большое облако изморози, на пороге комнаты появился командарм.

– Привет, Илья! Кропаешь?

– Да вот, чернила извожу.

– Не надоело?

– Хуже горькой редьки!

– В доме кто-нибудь есть?

– Хозяева, я ж на постое.

– Тогда одевайся, пошли в штаб, поговорим.

– Одну минуту! Постираться отдал. – Он развязал выюк, извлек нательную рубашку и «парадную» гимнастерку из шевиота. Быстро оделся, подпоясался и повесил маузер через плечо.

– Готов!

– Пойдем. – Сергей Георгиевич надел кубанку с коротким мехом, поднялся из-за стола, за которым от нечего делать читал отчет Ильи, и они вышли в сени, раздвигая висевшее

там белье и обмундирование.

На улице командарма ждала охрана. Она – конная, но Лазо и Илья пошли к штабу пешком. Снег скрипел под ногами, сзади похрапывали сдерживаемые наездниками кони. Облака пара в морозном воздухе поднимались строго вверх. Полный штиль, мороз к 40 градусам. Обычная погода в этих местах в это время. Темные избы черными пятнами выделялись на свежевыпавшем вечером снегу. К вечеру здесь активно сыпет при чистом небе. Изморозь.

– Вы свободны, вас разместили? – спросил Лазо у командира охраны.

– Да, тащ Виноградов. Но пост выставим.

– Хорошо, свободны. Прошу! – Лазо показал рукой на дверь штаба, который был, собственно, штабом, в котором командовал Илья.

Но на этот раз в штабе практически никого не было, кроме худощавого человека, в котором Илья сразу узнал того «господинчика» из Синьяня.

– Все чудесатее и чудесатее! – пробормотал Илья и внутренне напрягся. Ему начинал не нравиться этот внезапный визит большого начальства.

– Do you speak English? – послышался вопрос «Кристапа Хугоса».

– Нет, не говорю, но кое-что понимаю, общался с американцами.

– Значит: «Алиса в волшебной стране» – в гимназии?

– Нет, там ее не проходят, сестра увлекалась.

– Садись, Илюша. Это наш человек: товарищ Глеб. Он расскажет тебе о том, что предстоит сделать тебе и твоим людям, которых ты отберешь сам.

Командарму требовалась охрана во Владивостоке, там намечено восстание по свержению почившего в бозе правительства Колчака. От него требовалось отобрать людей для этой «миссии» и выполнить «квартирные» работы во Владивостоке. То есть быть там раньше «гвардейской сотни», разместить ее и командующего, обеспечить его безопасность, а в случае срыва – его отход на контролируемую советскими войсками территорию.

Сели составлять список, благо что все списки здесь же в штабе. Уточнили состав вооружения и прочие «мелочи». Затем выяснилось, что они сами, с товарищем Глебом, и еще тремя-четырьмя товарищами должны попасть во Владивосток через Китай, через станцию Да-Хинган (Большой Хинган), которую не контролируют ни «гамовские», ни «семеновцы», ни «калмыковские». Требуется «мелочь»: незаметно перейти границу.

– Людей в эту группу отбирай из неместных, и кто на китайском или маньчжурском не говорит.

– А корейский?

– Не имеет значения, главное, чтобы их в Харбине не опознали.

– А самого меня?

– Побрейся! Если что, ссылаешься на то, что хочешь подать в суд на возврат имущества или компенсацию за конезавод. Такие бумаги принимаются только Хэйдзё. Едешь туда. Тамошные обитатели – народ мелочный, они поймут.

– Как город называется?

– Хэйдзё, Пхёнъянь по-старому.

– Понял, в Корее.

– Из Харбина тронемся туда, а пересадку сделаем в Чангчуне. Как вести себя в Харбине – я вас позже проинструктирую. Что касается Хэйдзё, то все бумаги подготовлены, так что комар носа не подточит. Главное – через пять дней быть во Владивостоке, максимум через неделю. Задача понятна?

– В общих словах...

– Так и должно быть! Вы сопровождаете меня. Обеспечиваете мою безопасность. Я вас нанял. Твои люди должны знать только это. Я сейчас возвращаюсь туда. Вот место, где мы встречаемся. Это – фанза очень уважаемого человека в округе, доктора. Вот тут – ваше обмундирование. Что не подойдет – перевесьте побрякушки и знаки отличия. Все должны быть служивыми в царской армии. Уловил?

– Да.

– Подъедете, назовешь то имя, которым я тебе прошлый раз назывался. Слово «господин» не забудь. Говорить по-русски, хозяин понимает. Ну, что, Сергей Георгиевич, у меня полчаса до поезда. Удачи! Я пошел.

– Кто он? – спросил Илья у командарма.

– Не имеет значения, захочет – сам расскажет.

– Он ко мне в Синьяне подходил, золото хотел купить за фунты.

– Я в курсе. Такие задания без проверки никому не поручают. Так что не бери в голову. Тебе и твоим людям доверен большой секрет. Сам понимаешь, что я не просто так во Владик еду. И ты не просто так едешь через Харбин. Ты меня понял? Сейчас отдыхай, подумай, кого возьмешь с собой. Болтунов не бери.

Во вьюке лежала «незнакомая» форма, тоже с желтыми лампасами, но другого кроя, с какими-то дурацкими нашивками, с царскими и иностранными наградами, в основном с вертикальными маньчжурскими (монгольскими) письменами.

Утром перед строем зачитали список тех, кто переводится в отдельный эскадрон, исполнять обязанности командира назначили Стрешнева Алексея, бывшего сотника, из отряда Бороды. Он хоть и немного занозистый, но очень обстоятельный человек. Выслужился из казаков на германской. Отчаянной храбрости казак, вот только грамотность подвела, то, что называется «не далась она ему, отказала». Исполнитель – прекрасный, а стратегия, тактика, расчет – это не для него. На этом месте, когда командовать так и так будет Лазо, самое то! Алексей сразу понял, что надо делать, и занялся получением всего и вся, выбиванием недостающего, в общем,

подготовкой к передислокации и маршу. А Илья до середины дня сдавал участок Николаю Башибузукову, а затем с выбранными казаками ушел на вокзал, чтобы отправиться на станцию Ту, а оттуда к 14-й заставе. Так как их было всего пять человек, то ехали вместе с лошадьми. Как только остановились, то выдвинули сходни и по ним свели коней на землю. Никакого «перрона» на этой станции нет. Две лошади были завьючены боеприпасами и продуктами. Илья оставил Орлика в эскадроне, который пойдет во Владивосток. Конь слишком приметный, чтобы использовать его на той стороне. Но «донец» оказался понятливым и хорошо слушал повод и шенкеля.

До заставы добрались быстро, здесь всего тринадцать километров по прямой. Снегу навалило, правда, много, но он еще пушистый, легкий. Сама застава – это два домика побольше, под невысокой сопкой, да наблюдательный пост на вершинке. Еще недавно эти места были не совсем безопасны, но обе большие заставы справа и слева летом освободили от «гамовских». Теперь они базируются в Сахаляне, те, кто сумел уйти. Старый казак Пётр, старшина поста, несколько минут вглядывался в лицо Ильи.

– Ты прям не узнать, командир! Чё хотел?

– Что на той стороне? Под Черняевом опять бой был, хунхузы пытались прорваться, отошли.

– Так они здесь не ходят. Слева копи, там КРА стоит, они – няньцы, пока с хунхузами не дружат.

– Нам бы посмотреть надо, что там да как, и, в случае чего, накрыть их гнездышко.

– Тучочки тихо не пройти. Бабра² пришла, матка с двумя бабрятами. Вон там излюбря доедает. Так шо через Борею, и с острова на остров. А там ходом до Хумы, авось досветла успеете в лес уйти. Годица?

– Годится. Щаз переоденемся, чуньки оснастим и тронем.

– Бог помощь, Илья. Если чё – прикроем. Найди это сучье племя. Чаю будешь?

– Потом!

На все ушло полчаса, лошади в мягких чунях, чтобы подковами не гремели. Выкурили по сигарке и пошли. За оставшееся время предстояло преодолеть довольно большой участок, прежде чем можно будет сказать, что все позади.

Но большая часть пути была пройдена без каких-либо проблем. Больших задержек не было. Выбрались на дорогу. Казаков здесь не трогают, боятся. С 1900 года эти места были оккупированы Россией из-за «боксерского восстания», китайские чиновники вернулись сюда только в 1918 году. А им бы на таких же не нарваться. Но главная дорога идет по другой стороне реки. Каждый из разведчиков вооружен карабином, маузером и «льюисом», притороченным к седлу. Так что, несмотря на то что их совсем немного, отряд представляет собой довольно грозную силу. Для кратковременного столкновения. Впрочем, эти места довольно пустые, народу

² *Тигр* – по-даурски.

здесь еще меньше, чем на левом берегу Амура. Так что в назначенный день они въехали во двор «доктора».

Кристап Хугос оказался на месте. Грел ноги горячей водой, которую подливала в тазик молодая китаянка.

– Ступай, Милаша! Скажи, чтобы на стол накрыли. Прибыли, это хорошо, а то я волноваться начал. У нас четыре часа на все здесь. Представьтесь, – и показал пальцем на самого молодого Шульгина.

– Шульгин Василий.

– Сюда, – показал пальцем влево Хугос. – Ты?

– Вахмистр Камов, вашбродь, Матвей, пулеметчик.

– Сюда! – палец пошел направо. – Ты?

– Приказный Головцов, Захар, стрелок.

– Урядник Векшев, Иван, взводный.

– Равняйся! Отставить. Илья Николаевич, плохо! На стрелков корпуса охраны КВЖД вы все совсем не похожи. Даже оружие другое. Давайте за стол, господа, а там придумаем, что делать.

Кормежка была обильной и вкусной, хотя сам хозяин и Хугос за столом посидели совсем чуть-чуть и ушли что-то обсуждать. После обеда Илье приказали переодеться в гражданское, видимо, только что доставленное из города. Казаков переодели в обычные гимнастерки без погонов, как обычно они ходили в дивизии, только выдали им нарукавные знаки, которые пришлось пришить. самого молодого, Василия, Хугос собрался отправить обратно с лошадьми и пулемета-

ми, но Илья сказал, что так не пойдет, участок перед границей слишком тяжел, чтобы его пройти без дозора.

– Или оставляйте здесь, или придумывайте что-нибудь.

В ход пошли расческа и ножницы, брильянтин, какой-то замшевый зипун с оторочкой. Получился достаточно характерный приказчик. В общем, над группой поиздевались, как могли. Еще и фотографироваться заставили, чтобы оформить бумаги. Но мучения закончены, роли распределены. Поданы двое легких санок с облучком. Группа из трех гражданских сопровождалась тремя вооруженными бывшими казаками из охранной фирмы господина Ченя. Впереди, гордо помахивая тростью, и раскланиваясь со знакомыми, шел Хугос, чуть приотстав – Илья, с саквояжем в руках, приказчик надрылся с двумя чемоданами, пока Хугос, через Илью, не передал тому, чтобы тот взял кули. Белым, то есть русским, таскать тяжести вредно для «имиджа». Колонна, следующая к вагонам, еще удлинилась на двух китайцев. Было выкуплено два купе в узкоколейном вагоне. Они здорово отличаются от «пульманов», принятых на наших дорогах: они уже и под углом. Для Ильи место оказалось коротковатым.

– Ничего, до Мергеня все равно спать не будем, там – пересадка в «пульманы». Будет удобнее.

Почему спать не будем – он не сказал. Илья сам это почувствовал, когда поезд начал сильно визжать колесами, держаться, очень долго и со страшным скрипом забираться на

пригорки и сопки. По сравнению с Амурской магистралью, где под стук колес прекрасно спится, здесь было точно не уснуть. Господин Кристап сказал, что в Индии железные дороги еще страшнее.

– Англичане строили, чтобы уголь с копей возить. У местных паровозов не только гладкие колеса, как у нас, но и зубчатые. Зато грунта перекаладывать много меньше и углы подъемов и спусков круче. И дешевле пути получаются. Они уже получают прибыль с этой дороги, а КВЖД еще не окупилась, не говоря об Амурской магистрали.

В Мергени, несмотря на глубокую ночь, тщательно проверяли документы, причем не только китайцы, но и русская контрразведка. Обошлось почти. Классовое неравенство здесь демонстрируется во всей красе, поэтому, пока ждали поезд, Илья с Хугосом сидели в ресторане, а ребят дальше его веранды даже и не пустили. Когда к столику, где ужинал Илья, попытался подойти патруль с еще одной проверкой, у них за спиной щелкнули бойки четырех маузеров.

– Извините, господа, – холодно сказал Хугос, – вы уже проверяли нас на платформе. Моя охрана волнуется. Садитесь вон там, в углу, и вам принесут стопочку. Прозит!

По-русски он говорит с сильным акцентом, то ли немецким, то ли еще каким-то. На русских это действует отрезвляюще. Плюс тут же появился какой-то англичанин, военный корреспондент, и патрулю пришлось вначале посидеть в ожидании водовки, а потом уйти не солоно хлебавши. В

присутствии англичан контрразведка спит.

В общем, если бы Илья не знал, что он выдает себя за совершенно другого человека, и он вообще-то товарищ Глеб, то он бы никогда не подумал, что рядом с ним сидит красный разведчик. Кто угодно: барыга, толстосум, утонченный ценитель восточной медицины, полиглот, черт в ступе, но не агент. Это – высший класс работы разведчика-нелегала. Такому и поучиться не грех. Об этом он подумал и в ресторане, и когда сели на построенную русскими ветку, соединявшую Благовещенск и Харбин.

Но до Харбина они не доехали. На следующей узловой станции пересели в идущий на восток поезд.

– В Харбине аресты, как сказал Томас, опять вскрыли «ячейку Коминтерна». Стреляют людей почему зря! Господи, когда это все кончится? Буди своих.

До Саньсиня ехали долго, почти сутки. Успели выспаться и отдохнуть. Затем опять пересадка, и поезд пошел на юго-запад. Затем быстрая пересадка, почти бегом, и через 140 километров поезд остановился на станции Суйфэньхэ, последней перед границей.

– Теперь успеваем. Ты во Владике сильно светился?

– Я тогда в гимназической шинели бегал.

– А сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Начштадив в восемнадцать лет? – Хугос чему-то ухмыльнулся, погасил папиросу в пепельнице и прошел в купе.

Шумный досмотр и проверка документов. В большом чемодане у него оказались медицинские препараты из женьшеня и рогов оленя. И чудодейственный препарат для повышения мужской потенции на основе тигриных половых органов.

– Мои фармакологические фабрики нуждаются в сырье, господин ротмистр. Мы всегда закупали их здесь, в Приморье. Но последнее время начались какие-то постоянные сбои в поставках сырья. Видимо, необходимо сменить поставщиков и урегулировать взаимоотношения с руководством провинции.

Жандармский ротмистр тут же передал ему несколько визиток, тех людей, которые могут урегулировать данные вопросы. Пятифунтовой бумажке он был просто счастлив. Впрочем, у Хугоса был британский паспорт, по которому он проживал в британской зоне в Тайцине, это недалеко от Пекина, порт порто-франко, через который европейские страны торгуют китайскими товарами. Это Илья услышал из вопросов, которые задавал жандарм и на которые отвечал Хугос. Вопросов к самому Илье, отрекомендованному как «ученик и ближайший помощник по России», особо не возникло. Ротмистр еще раз возвращался, чтобы переспросить о том, действительно ли в соседнем купе едет охрана господина Хугоса. Но слежка за ними велась примерно неделю. Кристап развил активную деятельность по «своему направлению», и через неделю надзор сняли.

– Вот теперь можешь приступить. Вот ключ, вот адрес, прочел? Запомнил? Никаких бумажек. Переводишь туда своих ребят из гостиницы, карман у меня не бездонный. Но сначала потихоньку все переносите туда, в несколько приемов, а потом они выпишутся. Это – на Иркутской, пусть возьмут под наблюдение тюрьму. Вид там отличный. Вот часы, засекай все. Твоя задача – Русский остров. Нужно найти место, где поселить людей. Ну и с конюшней, естественно. Погуляй, посмотри вокруг.

Илья вернулся с «прогулки» по городу, в ходе которой он побывал в районе причалов, дошел до ипподрома, узнал расписание паромов на остров Русский, и то, что мастеровые ходят на остров, минуя паром, от Токаревского маяка на полуострове Шкота, утром, до первого парома.

Хугос в номере отсутствовал, в ресторане его тоже не было. Куда-то ушел, не предупредив. Ждать его пришлось долго. Наконец Илья увидел, что по Светланской несется извозчик, который затормозил у «Версаля». Из санок, с некоторым трудом, извозчик и какая-то женщина в шикарной шубке извлекли господина Хугоса. Тот смеялся и требовал, чтобы извозчик доставил его на третий этаж. Судя по всему, этот концерт наблюдали все жильцы в гостинице. Восемнадцатилетний Илья весь скривился и с откровенным негодованием смотрел на происходящее на улице. Извозчик передал перебравшего клиента подбежавшим швейцарам, раз-

вернул санки и умчался в обратную сторону вместе с дамочкой в шубке. Все то восторженное отношение Ильи к этому человеку мгновенно растаяло! Восстание на носу, а он по публичным домам мотается, деньги трудового народа пропивает!

– Свободен, милоч! – хрипловатый с акцентом голос прозвучал в дверях. – Дальше я сам, возьми, милоч!

Кристап захлопнул дверь и подмигнул Илье, подняв большой палец правой руки и затем приложив указательный к губам. Затем попросил жестами, чтобы Илья на него рявкнул.

– Где это вы изволили так нахрюкаться, милейший господин Хугос? Где вас черти носили? Звонил господин Келлер, а я не знал, что ответить! – сказал Илья.

– Ты не забывайся, дорогой! Я здесь хозяин! – еще раз подмигнув, громко сказал Хугос и перешел на незнакомый Илье язык. Сам он снял ботинки и прошел к столу. Он был трезв, хотя спиртным от него пахло сильно. Достав блокнот, написал карандашом: «Все отлично! Через полчаса пойдем подышать. Закажи кофе в номер. С утра ничего не ел».

Выпив «ведро» кофе, вкус которого Илья не понимал, ну, разве что с молоком и большим количеством сахарина, и умяв всю принесенную горничной закуску, Кристап обулся в полусапоги, облокотился на Илью и, болтая пьяным голосом, спустился вниз с распахнутой на груди шубой, постоянно повторяя, что ему требуется подышать и проветриться. Говорить в гостинице о делах было опасно. Они пошли

вдоль Светланской к набережной, демонстрируя неверную и неустойчивую походку. Но еще перед выходом Хугос знаками показал Илье, чтобы без оружия он не выходил. Убедившись, что наблюдения за ними нет, Кристап сказал:

– Встретился с членами комитета восстания. У них все готово, за исключением того, что они не могут гарантировать, что с Русского острова командование крепости не перебросит школу прапорщиков, примерно четыреста штыков, десять пулеметов и два орудия. Завтра начнем переговоры с членами эсеровской фракции и земцами из этого комитета, причем не только левыми, но и с частью правых, которых полностью и целиком не устраивает деятельность генерала Розанова.

Тот обкладывал любую деятельность в крае непомерными налогами на содержание армии и контрразведки, но денег этих больше никто не видел. Фактически он стал узурпатором и представлял самоликвидировавшееся правительство адмирала Колчака, то есть был сам себе голова, что не устраивало абсолютно всех, включая интервентов.

– Завтра в город прибывает вот этот человек. Он – комиссар корпуса охраны КВЖД. Подъедет не на Первую речку и не на вокзал, а прямо к зданию штаба крепости. Твоя задача быть среди встречающих. Возьмешь с собой «лейку», а на ремень чехла поместишь один из значков, с тех гимнастеров корпуса охраны. Шифровку я тебе передам, он сам подойдет за ней. Выполнять все его распоряжения. Понял? – убирая

фотографию в карман, спросил Хугос.

– Че тут не понять?

– Того, что с момента начала восстания этот человек будет находиться под ударом и пострадать не должен. Будешь его охранять так же, как и Лазо.

– Да понял, понял.

– Что удалось тебе?

– Ключик нашел ко всему этому узелку. 73-й причал, его склад. Надо каким-то образом его арендовать или сменить там начальство. Там рядом стоянка ледокола, штаб крепости и все три паромных причала. По прибытию требуется разместить эскадрон в казармах у 67-го форта. Казармы есть, сейчас там живет человек сорок минеров с минного склада. Казарма и форт прямо над минной позицией. Наблюдательный пункт там – отличный. Форт вооружен и оснащен 102-мм орудиями.

– Как же ты его брать собрался?

– Способ я уже придумал, а главное, что нет такой крепости, которую бы не взял осел, нагруженный золотом. Сработаем, есть там уязвимое место. И еще, корюшка пошла, вся бухта Анны рыбаками просто усеяна...

– И...

– Так они и до мыса Поспелова доходят.

– И что?

– Это «Временное укрепление № 4», рядом пляж, оттуда до Мелководной бухты всего четыре километра, а там –

школа прапорщиков.

– Предлагаешь порыбачить?

– Ну, самим-то это не обязательно, но способ туда добраться найден.

– Это хорошо, что еще?

– Линия связи на остров уходит под воду в районе 73-го причала. Там колодец, прикрытый бронекрышкой.

– Понял, насчет аренды склада поговорим с начальником порта, он тут мечтал быть мне чем-нибудь полезным.

– На крыше штаба – сигнальная мачта с лампами Олдиса, это – аварийный узел связи, на случай выхода из строя телефонных кабелей.

– Понял, теперь вижу, что не зря тебя начштабом дивизии держали. Молодец! Вот что, бутерброды – это, конечно, здорово, но недостаточно. Давай назад, на Корейскую, там в китайском ресторанчике посидим, пару порций пельмешков уговорим. Голодает народ, если б не рыба, так вообще ноги бы протянули, а хлеба в городе нет. Надо будет сразу перебрасывать пару эшелонов.

Вообще-то, места тут хлебные и урожай в 50 пудов с десятины – это норма для местных крестьян. Но села давно уже находились под контролем красных, и в город хлеб поставлялся из Китая. С пригородных полей хлеб уже давно съели, вообще – хлеб был, но его стоимость просто зашкаливала.

Утром Хугосу принесли телеграмму из Харбина, он пе-

редал Илье новенький фотоаппарат, очень компактный, новейшей конструкции. Иностранные военные корреспонденты использовали такие. Кроме того, браунинг, платок с шифровкой и вышитую розочку цветов английского флага, на которую вместе прикрутили значок корпуса охраны КВЖД и удостоверение внештатного корреспондента «Таймс» в Харбине. Этого было достаточно, чтобы пройти к штабу крепости. Телеграмма уточняла время прибытия, но говорилось в ней совершенно о другом, опять о фармакологии и сбое поставки чего-то там. Захватив ее с собой, облившись дорогим одеколоном, Хугос ушел в управление портом, а Илья, дождавшись времени прибытия, с небольшим запасом, вышел из гостиницы, повернул два раза направо, и по Алеутской, через восемь минут, был у здания штаба, куда, попыхивая паром, подходил курьерский поезд из трех вагонов. Куча народа встречала прибывшего генерала Танаку, нового командующего японскими войсками на оккупированных территориях России, Китая и Кореи. Оркестр играл «Встречный марш» и «Ками га ё», его уже выучили вместо «Боже, царя храни!» Выстроен почетный караул, преподносят хлеб-соль, в общем, прогибаются по полной! На лице японца брезгливое выражение, его этот «обезьянник» ни в малейшей степени не интересовал. Он прошагал мимо генерала Розанова в здание, хлеб-соль принял кто-то из его адъютантов. Илья встретился глазами с человеком в круглых очках и черном полушубке с оторочками, похожем на того человека, которо-

го показывал Хугос. Но в штаб корреспондентов не пустили, объявили, что пресс-конференция начнется позже, оставив их на ледяном ветру, дующем с залива. Через некоторое время американцы и британцы потребовали, чтобы их пустили погреться в вагоны. Там было тепло, им предложили чай и кофе. Через час молоденький офицерик пригласил всех пройти в святая святых. Илья наметанным глазом рассматривал систему обороны здания. По его собственным планам это здание будет объектом штурма для его эскадрона. В зале для прессы он пристроился у входа, стоял, прислонившись к одной из колонн, и слушал тот бред, который нес полковник Новицкий, говоривший о прошедших переговорах высоких представителей России и Японии. В этот момент из соседнего помещения вышли Танака и Розанов, которому Танака продолжал выговаривать что-то. К Илье приблизился тот самый офицер, ради которого все и затевалось. Платок-шифровку, по полученной инструкции, Илья переложил в левый боковой карман своего полушубка. Офицер оказался «опытным карманником», контакт прошел очень быстро, вместо одного платка в кармане оказался другой шелковый платок. Чтобы не демаскировать себя, Илье пришлось немного напярчить память и задать несколько вопросов представителю французской администрации Lieutenant de Vaisseau господину Шираку, с броненосца «Жанна д'Арк», с тремя нашивками на погонах. Он спросил о возможности посетить броненосец, с целью составить альбом о пребывании военных

моряков Франции в Приморье, на что было получено приглашение, которое требовалось обсудить при личной встрече в ресторане «Версаля». Французы к тому времени полностью разочаровались в возможностях белой армии. Война в Европе закончилась, а здесь приходилось продолжать рисковать и кораблями, и экипажами. Плюс была большая возможность «притащить большевистскую заразу» домой, как это уже произошло на Черном море.

Действия французов на Транссибирской магистрали осенью-зимой 1919 года привели к тому, что армия Колчака была вынуждена отходить пешим порядком, неся огромные санитарные потери, так как в первую очередь подвижный состав подавался для вывоза запасов, поставленных странами Антанты. Французы беспокоились, чтобы они не попали в руки большевиков, а «мусор», с винтовками в руках, их совершенно не волновал. «Ничего личного, только бизнес и сокращение расходов». По вложениям, 65 % КВЖД построено за счет вкладов со стороны французских банков. Царские долги волновали их больше всего. Поэтому комитет восстания был заинтересован в нейтрализации французского, американского, английского и японского контингентов. Были большие надежды на то, что первые трое участников интервенции пальцем не пошевелят для спасения Розанова. Судя по настроению Танаки, им японцы тоже недовольны, но действовать надо было так, чтобы комар носа не подточил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.